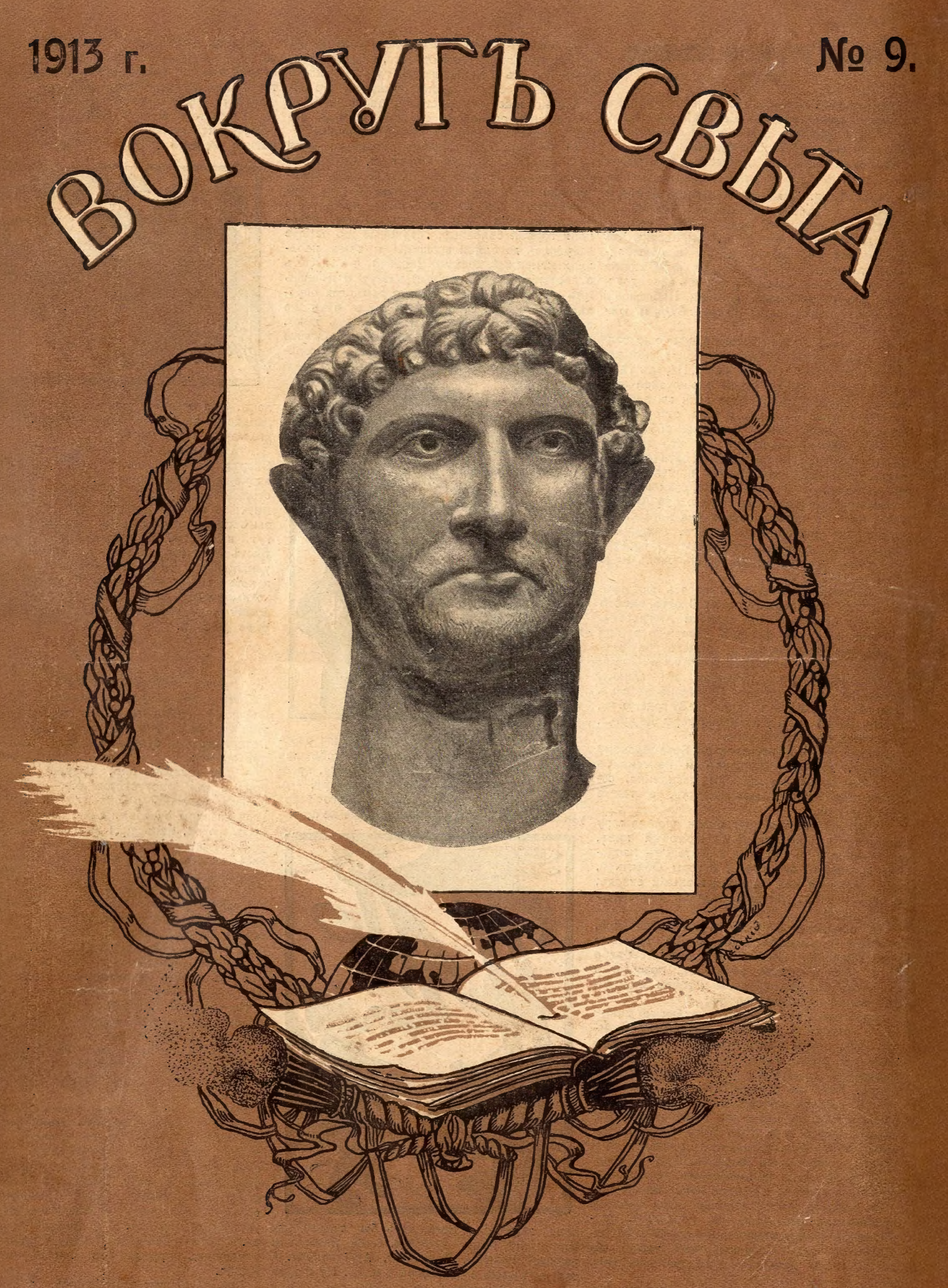
1913 г. № 9.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Научные результаты экспедиціи Скотта.

Командиръ Эвансъ, въ своемъ послѣднемъ докладѣ, полученномъ въ Лондонѣ изъ Новой Зеландіи, сообщаетъ подробности о научныхъ работахъ экспедиціи кап. Скотта.

Въ первый день его пребыванія на полюсѣ (17 янв. 1912 г.) небо было облачно и солнца не было видно. 18 января день былъ яснѣе, и кап. Скоттъ сдѣлалъ научныя наблюденія для опредѣленія положенія полюса. Онъ употребилъ для этого теодолитъ [1]), Амундсенъ же пользовался секстантомъ, съ искусственнымъ горизонтомъ; разница въ опредѣленіи мѣстонахожденія полюса у обоихъ изслѣдователей равняется только полмили. Наблюденія кап. Скотта сдѣланы на 89 град. 59½ м. южной широты.

Кап. Скоттъ и его партія прошли еще полмили дальше и тамъ водрузили британскій колоніальный флагъ (Union Tack). Передъ тѣмъ на 88⁰ ш. они нашли слѣды норвежской экспедиціи Амундсена, которые вели къ лагерю, находившемуся въ трехъ миляхъ отъ полюса. Мѣстами слѣды были заметены снѣгомъ и вообще были указанія на то, что небольшая метель заставила Амундсена остановиться здѣсь. Въ лагерѣ кап. Скоттъ нашелъ записки и вещи, оставленныя Амундсеномъ.

Температура на полюсѣ была около 20 град. ниже нуля, и поверхность снѣга мягкая, не такая, какъ на Барьерѣ. Снѣгъ, взятый на какой угодно глубинѣ, отличался отъ барьернаго тѣмъ, что при таяніи давалъ очень мало воды.

На полюсѣ было сдѣлано десять фотографическихъ снимковъ съ партіи Скотта, вмѣстѣ съ двумя снимками съ палатки Амундсена.

Обратный путь вначалѣ совершался при благопріятныхъ условіяхъ. Температура колебалась между 20 и 30 град. ниже нуля. Длина переходовъ, вплоть до Бердморскаго ледника, равнялась приблизительно 18 милямъ въ день. Оба склада припасовъ, одинъ на 89 град. ю. ш., другой на 85 град. у подножія горы Дарвича, оказались въ исправности.

Прежде чѣмъ спуститься по Бердморскому леднику, докторъ Вильсонъ и лейтенантъ Боуэрсъ собрали коллекцію песчаника, содержащаго остатки ископаемыхъ, а также образцы угля.

Спускаясь по леднику, партія прошла гору Кинсей — великолѣпный базальтовый пикъ, который можетъ служить указателемъ направленія, затѣмъ они достигли горы Облачной, гдѣ находился еще одинъ маленькій складъ, и остановились для дальнѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій.

На склонахъ этой горы, въ известнякѣ, найдены ископаемыя еще болѣе древняго происхожденія. Въ общемъ было собрано 35 ф. геологическихъ образцовъ, которые и были тщательно упакованы и взяты экспедиціей въ ея послѣдній лагерь.

Геологическіе результаты, добытые всѣми тремя отрядами, южнымъ, сѣвернымъ и западнымъ, очень значительны и указываютъ прежнюю связь между Южной Америкой и Австралазіей, черезъ Антарктическій континентъ. Хотя въ каждой партіи не было ни одного геолога, но собранныя ею коллекціи очень важны въ научномъ отношеніи. Ископаемыя растенія и уголь были взяты съ высоты 8.000 фут. Отпечатки растеній прекрасно сохранились въ известнякѣ и сланцахъ и, вѣроятно, принадлежатъ къ позднѣйшей палеозойской и ранней мезозойской эрѣ.

Въ нижней части ледника были найдены ископаемыя, состоящія изъ кораллоовъ примитивной формы, характерной для ранней мезозойской эпохи. Собраны были также образцы скалъ вулканическаго происхожденія.

Въ общемъ, добытый матеріалъ указываетъ на умѣренныя условія климата, существовавшія здѣсь въ теченіе двухъ геологическихъ періодовъ. Небезынтересно отмѣтить, что образцы ископаемыхъ растеній, найденные въ Антарктидѣ, одинаковы съ тѣми, которые собралъ біологъ Лилли въ Новой Зеландіи.

Въ декабрѣ 1912 г. шесть человѣкъ, подъ начальствомъ геолога Пристлея, совершили восхожденіе на Эребусъ. Погода была хорошая, но температура очень низкая и на вершинѣ равнялась 30 град. ниже нуля. Двое изъ экспедиціи на высотѣ 10.000 фут. заболѣли горной болѣзнью, остальные же четыре добрались до самой вершины и тамъ навалили каменный холмикъ (кэрнъ), на память о восхожденіи, но сильный вѣтеръ помѣшалъ имъ воспользоваться гоніометромъ для опредѣленія высоты. Одинъ изъ нихъ чуть не задохся на обратномъ пути въ клубахъ дыма, вырвавшихся наружу вслѣдствіе небольшого изверженія, но ему удалось все же благополучно достигнуть подножія вулкана.

Э. П.

[1]) Теодолитъ и секстанты — астрономическіе угломѣрные инструменты для опредѣленія высоты солнца и другихъ свѣтилъ надъ горизонтомъ.

ВСЕМІРНЫЙ ЮМОРЪ.

Размышленія при чтеніи газеты.

Англійскій юморъ.

„Правда, чтеніе газетъ теперь та же работа, — разсуждалъ м-ръ Смисъ, усѣвшись послѣ трудового дня почитать газету, представлявшую изъ себя цѣлую литературу, — а, впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра, многое такое узнаешь, чѣмъ и въ голову прежде не приходило заняться. Вотъ хоть бы теперешняя война: ну, кому, скажите, были интересны разные Ускюбы, Тарабоши, Адріанополи. А то сколько и разговора о нихъ. Ну и самъ невольно *подойдешь къ картѣ или глобусу и станешь разыскивать эти тарабарскія мѣста* (рис. 1), смотришь, и географію повторишь!

„А вотъ о микробахъ пишутъ: что ни день, то новый микробъ. Только что прослѣдишь, откуда берется какая-нибудь зловредность, а тутъ, пожалуйте, *новая бацилла вопіетъ, чтобы ее хорошенько разсмотрѣли* (рис. 2). Но и отъ того польза. Сегодня, напримѣръ, пишутъ, что сумасшествіе причиняется крохотной мошкой которая жалитъ въ затылокъ. Она родомъ откуда-то издалека, но появилась и въ Англіи. Будемъ знать, что затылокъ надо прикрывать.

„Очень интересный фактъ сообщаетъ отдѣлъ Спорта. Оказывается, что всѣ существа со временемъ приспособляются къ обстоятельствамъ жизни. Вотъ и куропатки съ фазанами тоже приспособились. Въ послѣднее время замѣчается, что во время охоты они не бѣгутъ въ кусты, а, напротивъ, смѣло вылетаютъ навстрѣчу охотнику и пользуются его удивленіемъ, чтобы пролетѣть мимо. И это полезно знать; надо быть на-сторожѣ, а не то *вылетитъ на тебя такая птица, и можетъ такъ напугать, что полетишь кубаремъ* (рис. 3).

Находчивый пасторъ.

Американскій юморъ.

Одинъ протестантскій пасторъ-негръ, въ Сѣверной Америкѣ, говоря проповѣдь, такъ увлекся собственнымъ краснорѣчіемъ, что несправедливо обвинилъ одного изъ своихъ прихожанъ:

— Да,—сказалъ онъ, вдругъ обводя взоромъ всѣхъ присутствующихъ,—съ болью въ сердцѣ долженъ я обнаружить съ высоты этой каѳедры скверныя дѣянія недобросовѣстныхъ людей, наносящія вредъ честнымъ людямъ. Я вижу передъ собой,—о! краснѣйте всѣ!—десять воровъ, считая Кальхунъ Клэй, укравшихъ курицъ!

При этихъ словахъ Кальхунъ Клэй въ страшномъ негодованіи вышелъ изъ церкви. Такое публичное обвиненіе дискредитировало его въ глазахъ всѣхъ жителей деревни. Онъ обратился съ воззваніемъ къ своимъ друзьямъ, и они отправились къ пастору съ протестомъ противъ такого обвиненія. Было рѣшено, что пасторъ возьметъ назадъ сказанное имъ.

Но ораторъ, который одинъ день говоритъ одно, а другой день другое, теряетъ авторитетъ въ глазахъ своихъ слушателей. И пасторъ долженъ былъ придумать такую формулу, которая бы удовлетворила обиженнаго, не уменьшая въ то же время его собственнаго вліянія на прихожанъ.

На слѣдующемъ собраніи онъ сказалъ:

— Я долженъ исправить ошибку, которую невольно допустилъ въ своей послѣдней проповѣди. Въ пылу краснорѣчія я позволилъ себѣ глубоко огорчить одного изъ присутствующихъ. Я хочу исправить нанесенное мною зло. Я сказалъ тогда: „Я вижу передъ собой десять воровъ, считая Кальхунъ Клэй, укравшихъ курицъ“. Я неправильно выразился. Я хотѣлъ сказать: „Я вижу девять воровъ, укравшихъ курицъ, не считая Кальхунъ Клэй“.

Всѣ въ церкви разсмѣялись, а Кальхунъ Клэй былъ удовлетворенъ такимъ объясненіемъ.

В. О.

XXIX г. изданія. 3 марта 1913 г.

№ 9 № 9

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, науки, литературы и искусства.

Контора и редакція журнала: Москва, Тверская, д. Т-ва И. Д. Сытина, № 48. ▭ Тлф. 98-57.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовыя марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала, а также въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. За перемѣну адреса уплачивается **три** 7-ми-коп. почтовыя марки. Цѣна отдѣльнаго № журнала **10** коп., съ книгой — **40** коп. (съ пересылкой).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

съ 24 кн. собранія художественн. соч. **Л. Н. Толстого**, съ пересылкой и доставкой **7 р.** Допускается разсрочка: 3 р. при подп., 2 р. къ 1 апр. и 2 р. къ 1 іюля.

съ 48 книг. полнаго собранія сочиненій **Л. Н. Толстого**, съ пересылкой и доставкой **11 р.** Допуск. разсрочка: при подпискѣ 4 р., къ 1 апр. 4 р. и къ 1 іюля 3 р.

Замѣна перваго изд. вторымъ и наоборотъ послѣ подп. не допускается.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ журналъ „Вокругъ Свѣта" по цѣнѣ **60** коп. за строку нонпарели въ одну колонну позади текста, принимаются въ Москвѣ — въ конторѣ журнала: Тверская, д. № 48; въ С.-Петербургѣ — въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина: Невскій 68 и Б. Садовая 25.

АДРІАНЪ—ИМПЕРАТОРЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Тѣсно связаны съ исторіей Балканскаго полуострова въ началѣ христіанской эпохи имена римскихъ императоровъ, особенно же Траяна и Адріана. Около 100 года по Р. Х. вся нынѣшняя южная Венгрія, Седмиградія и Румынія, Ѳракія и Греція входили въ составъ Римской имперіи, простиравшейся на востокъ до Ефрата и Арменіи, на югъ до Египта и Аравіи, и въ 117 г. по Р. Х. повелителемъ всей этой огромной территоріи сталъ Адріанъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей среди римскихъ императоровъ.

Публій Элій Адріанъ, родившійся въ 76 г. по Р. Х., приходился родственникомъ Траяну и былъ усыновленъ имъ. Богато одаренный какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, Адріанъ обладалъ феноменальной памятью, и въ немъ рано проснулась необычайная жажда знаній. Онъ быстро усвоилъ себѣ широкое греческое образованіе и особенно пристрастился къ пластическимъ искусствамъ, къ архитектурѣ, математикѣ и медицинѣ.

Бюстъ имп. Адріана, хранящійся въ Лондонскомъ музеѣ.

Траянъ и жена его Плотина рано оцѣнили талантливую натуру Адріана, и ему поручались отвѣтственныя и важныя, какъ военныя, такъ и административныя, должности, а когда Траянъ умеръ, Адріанъ уже былъ вполнѣ подготовленъ къ тому, чтобы стать правителемъ.

Адріанъ первый отказался отъ завоевательной политики, которой держались римскіе императоры, и сосредоточилъ все свое вниманіе на внутреннемъ устройствѣ подвластныхъ ему областей.

Адріана можно назвать по справедливости *императоромъ-путешественникомъ*. Когда онъ не ѣхалъ водой, онъ ходилъ *пѣшкомъ*. При этомъ онъ непосредственно знакомился съ пестрой мозаикой народовъ и земель, которыми правилъ. Во время этихъ путешествій онъ узнавалъ положеніе провинцій, характеръ жителей, ихъ производительную способность, а также лично знакомился съ римскимъ правящимъ персоналомъ. Онъ исходилъ свои владѣнія, начиная съ Испаніи на югѣ и до Британіи на сѣверѣ, съ Галліи на западѣ до Ефрата и Нила на востокѣ.

Съ этими путешествіями тѣсно связана строительная дѣятельность Адріана, памятники которой сохранились во всѣхъ частяхъ Римской имперіи. Поклонникъ греческой культуры, Адріанъ любилъ и самую страну. Въ Аѳинахъ онъ жилъ подолгу и украшалъ городъ, возстановляя памятники его былого величія.

Всюду въ греческихъ провинціяхъ и Ѳракіи Адріанъ строилъ города. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ Адріанополь, обстроенный и расширенный имъ изъ небольшого ѳракійскаго города Ускадамы. Адріанъ оцѣнилъ положеніе города при соединеніи трехъ рѣкъ — Марицы, Тунджи и Адры, на дорогѣ, которая соединяетъ проходы Балканскихъ горъ съ путями къ Босфору и устьямъ Марицы, и предугадалъ все значеніе, какое долженъ былъ имѣть впослѣдствіи для Ѳракіи и всей этой части Балканскаго полуострова городъ, названный *его именемъ*.

КУЛЬТУРНЫЕ ОЧАГИ МІРА.

БУДАПЕШТЪ.

Очеркъ В. Бумъ.

— А что у васъ въ Россіи думаютъ о Венгріи?—спрашивалъ меня маленькій, подвижной венгерецъ.—Можетъ-быть, у васъ думаютъ, что Венгрія принадлежитъ Австріи? О, это было бы большой ошибкой. Венгрія совершенно самостоятельная страна, совершенно самостоятельная. И, къ тому же, прекрасная страна. Жаль, что вы будете только въ Будапештѣ, поѣзжайте путешествовать въ глубь Венгріи. У насъ есть чудныя мѣста.—Онъ помолчалъ и, облокотясь на бортъ парохода, любовался на все приближавшійся городъ.— Но и здѣсь вы увидите много красиваго и интереснаго. Посмотрите, посмотрите только, какъ она красива—наша столица.

И въ самомъ дѣлѣ красива: впереди—легкій, точно безъ всякаго напряженія удерживающійся въ воздухѣ, мостъ. Направо, прямо надъ рѣкой—высокій холмъ, одѣтый весь садами и украшенный причудливыми зданіями. Налѣво—нарядная набережная, усаженная деревьями, пролеты лучами расходящихся улицъ. Движутся торопливо люди, экипажи. Чувствуется нервная жизнь большого города.

Будапештъ—городъ еще молодой. Онъ создался изъ соединенія 4 старинныхъ городковъ всего въ 1872 году.

Буда и Пештъ—два главныхъ города, давшихъ названіе столицѣ—играли нѣкоторую роль и раньше. Городъ Буда извѣстенъ со временъ римлянъ благодаря своему нагорному положенію. Городъ Пештъ возникъ около XII столѣтія.

Но ни тотъ ни другой городокъ не могли достигнуть того благосостоянія и богатства, которыя могло дать имъ счастливое положеніе на большой, судоходной рѣкѣ, торговой дорогѣ съ запада на востокъ. Ихъ разоряли вѣчныя войны, потомъ притѣсненія. Полтораста лѣтъ города находились во власти турокъ. Затѣмъ соперничество династій лишало ихъ всякой силы. И только съ 1867 года, — знаменитаго года, когда Венгрія отвоевала себѣ у австрійцевъ ту независимость, которой такъ гордился нашъ знакомецъ, маленькій венгръ на пароходѣ,— только съ этого года сталъ расти Пештъ, обращаясь въ большой торговый городъ, и только послѣ его соединенія съ соперничающими сосѣдями, городками Будой, Обудой и Кобаньшей, сталъ развиваться тотъ Будапештъ, который мы теперь знаемъ, та большая европейская столица.

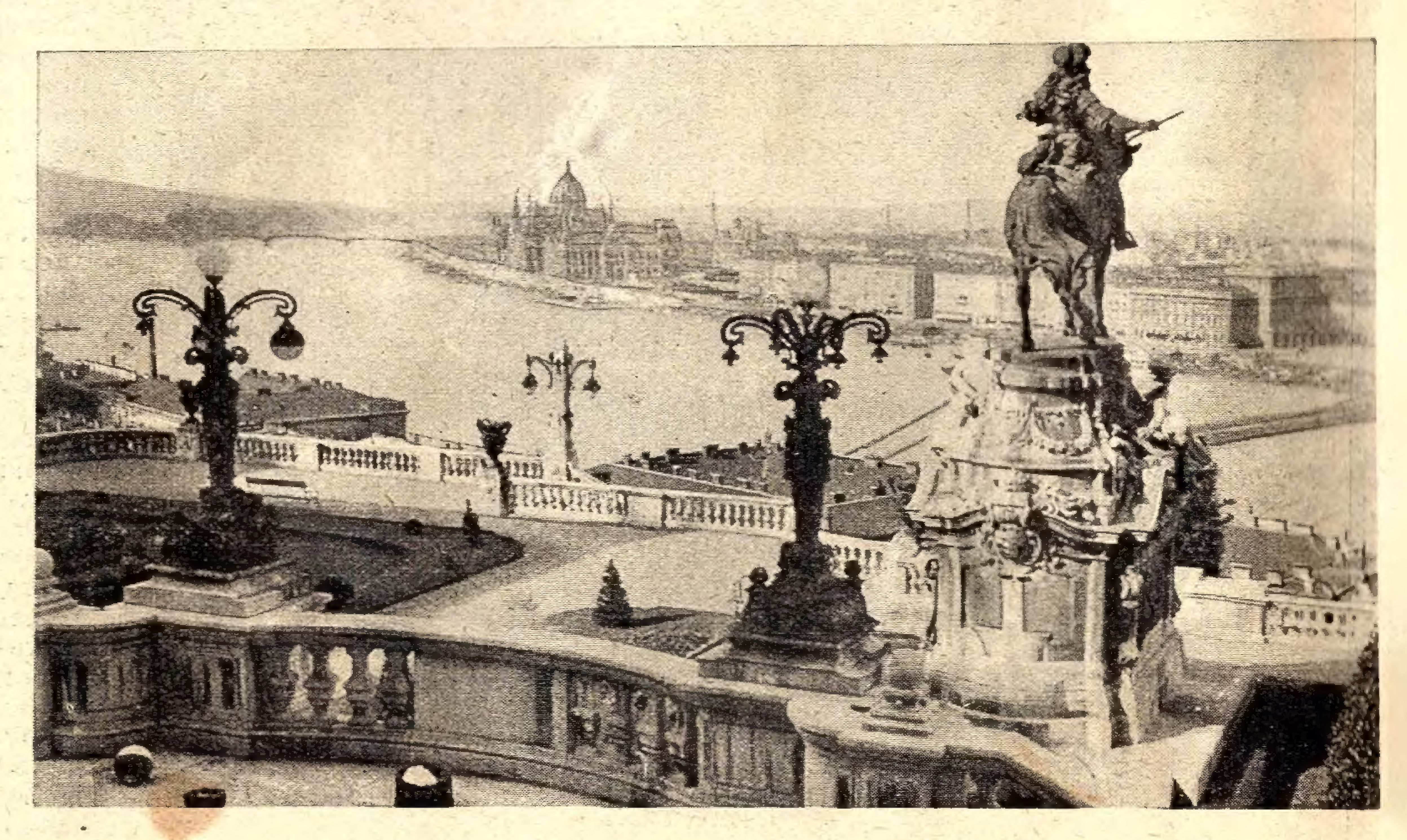
И за эти 50—60 лѣтъ городъ выросъ поразительно. Ни по величинѣ ни по культурности онъ не уступаетъ вѣковымъ европейскимъ столицамъ. Великолѣпныя, широкія улицы, большіе магазины, красивыя зданія, обиліе музеевъ, театровъ,—и такое множество памятниковъ, какого я не видала нигдѣ.

Будапештъ—удивительный городъ. Когда я вспоминаю о немъ, онъ представляется мнѣ легкимъ кружевнымъ покрываломъ,—такое впечатлѣніе узорности и ажурности даютъ его дома. Почти каждый домъ Будапешта—произведеніе искусства. Я не могу представить себѣ въ этомъ городѣ ни одной скучной казарменной постройки. Каждый домъ непремѣнно украшенъ скульптурными произведеніями. Кажется, ваяніе здѣсь такъ же развито, какъ въ древней Греціи. И самъ городъ, въ его цѣломъ, даетъ впечатлѣніе одного цѣльнаго, стильнаго, художественнаго произведенія.

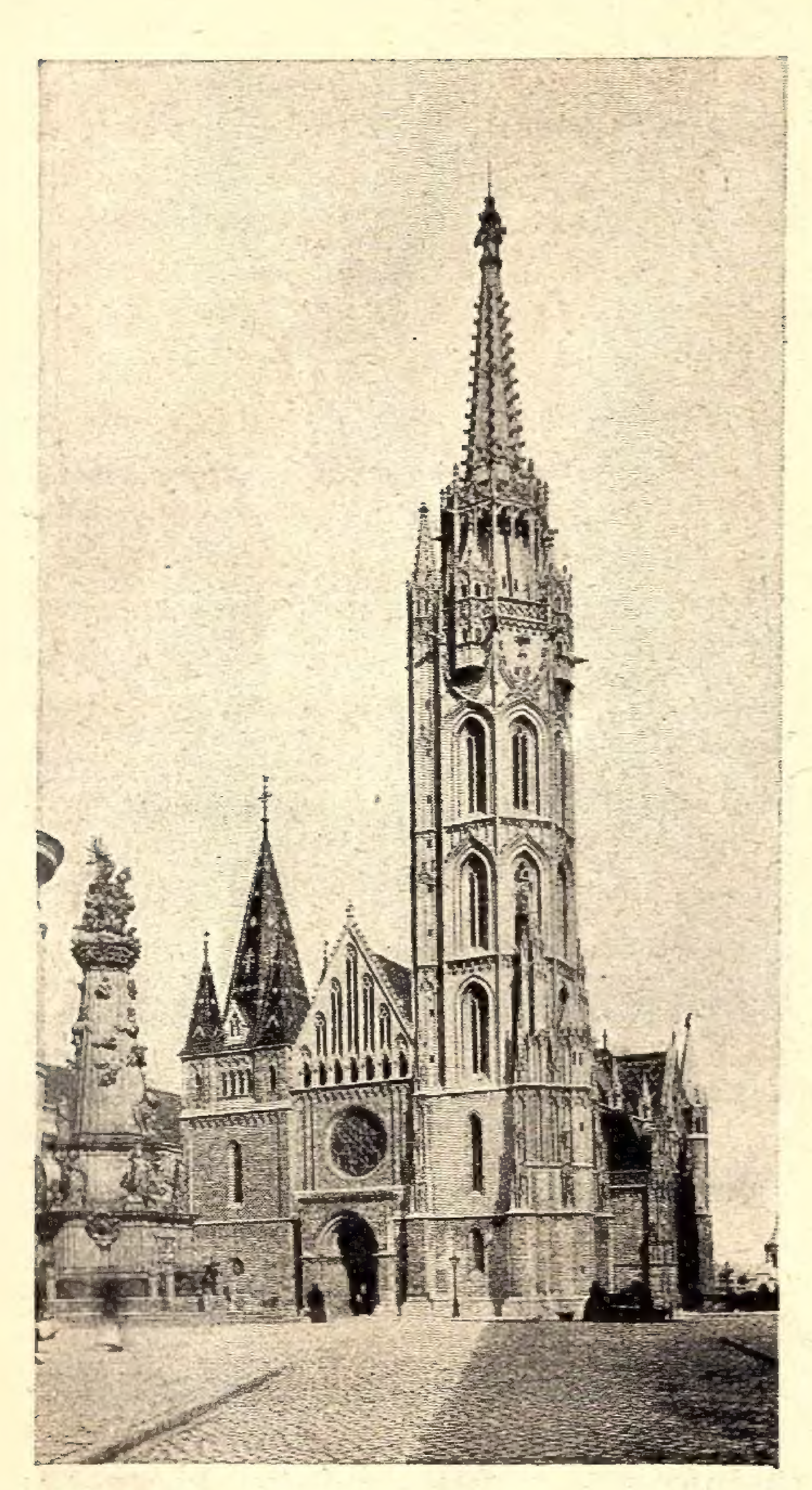
Обычно въ городѣ, въ которомъ сохранились остатки стараго, отчетливо бросается въ глаза черта между старымъ и новымъ городомъ,—какъ грань разныхъ міровъ. Въ Будапештѣ нѣтъ этой грани; вотъ вы идете узкими переулками стараго города,—вотъ выходите на главную улицу,—она ведетъ отъ набережной, отъ самаго моста св. Елизаветы черезъ старый городъ и, постепенно расширяясь, переходитъ въ широкій проспектъ, и тянется-тянется на нѣсколько верстъ, пересѣкая широкіе зеленые бульвары, черезъ весь новый городъ къ самому вокзалу. И всюду—въ узкихъ кольцевыхъ улицахъ стараго города, въ прямыхъ, широкихъ проспектахъ новаго—тѣ же кружевные дома со скульптурными украшеніями,—изящные и благородные. Старыя готическія зданія, постройки эпохи Возрожденія и современные дома,—всѣ объединены какой-то общей идеей, у всѣхъ общій колоритъ, одна физіономія.

Въ этой объединенности сказался духъ венгровъ. Въ борьбѣ съ австрійцами развился и окрѣпъ ихъ патріотизмъ и вылился въ очень рѣзкую форму. Боясь потерять хоть частицу своего „я“, они избѣгали новшествъ и вездѣ, гдѣ возможно, стремились сохранить старое венгерское.

Потому и архитектора ихъ старались и стараются подражать старымъ образцамъ, стремясь сохранить прежній стиль города. Ихъ писатели и поэты не могли избѣжать вліяній сосѣднихъ литературъ, но подчинивъ свою форму чуждымъ образцамъ, они содержаніе посвятили почти исключительно родинѣ. Большинство изъ нихъ политики—всѣ горячіе патріоты. Въ ложно-классическихъ, романтическихъ или реалистическихъ тонахъ воспѣваютъ венгерскіе поэты свою родину, подвиги своихъ предковъ, свою борьбу съ врагами.

Видъ изъ Бурга (кремль) на Дунай; памятникъ принцу Евгенію; вдали—зданіе Парламента.

Старый соборъ (св. Матѳея).

Мадьяръ, будь вѣренъ неизмѣнно
Родной странѣ своей,
Въ ней свѣтъ увидѣлъ ты впервые
И вь землю ляжешь въ ней;
Она тебя раститъ, лелѣетъ,
Пускаетъ въ дальній путь,
Ты на груди ея по смерти
Ложишься отдохнуть.

На всемъ, на всемъ обширномъ свѣтѣ
Другого мѣста нѣтъ,
Гдѣ бъ ты нашелъ такія ласки
И дружбу и привѣтъ.
Здѣсь для борьбы съ своей судьбою
Носить ты долженъ мечъ,
Здѣсь долженъ ты и жить и биться
И славно въ землю лечь.

(Переводъ П. И. Вейнберга).

Такъ говоритъ популярный венгерскій поэтъ Верешмерти въ половинѣ XIX вѣка, и въ этихъ словахъ особенно ярко выражается общее настроеніе венгровъ.

Своихъ великихъ и даже только большихъ людей венгры цѣнятъ высоко и дорожатъ ихъ памятью. Въ какомъ бы направленіи вы ни пошли, вы непремѣнно натолкнетесь на памятникъ то герою, то государственному дѣятелю, то ученому, то поэту или художнику. Вездѣ, вездѣ,—на каждой площадкѣ, бульварѣ, въ каждомъ скверѣ, паркѣ—памятники.

У насъ венгерская наука и искусство извѣстны мало, а на Западѣ ихъ знаютъ. На нѣмецкій языкъ переведены многіе поэты и писатели. Но и на русскомъ языкѣ читаютъ венгровъ. Поэтъ Петёфи переведенъ Михайловскимъ, писатель Іокай пользовался одно время вниманіемъ русской публики, Зичи—художникъ, котораго мы считаемъ своимъ,—венгръ, а въ музыкѣ Венгрія дала такую силу, какъ Листъ.

Богатъ городъ и въ промышленномъ отношеніи. Всевозможныя торговыя учрежденія, великолѣпные магазины, торговля сильно развита благодаря льготному желѣзнодорожному тарифу для товаровъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ изъ Будапешта.

* * *

Мы вышли на набережную и пошли вдоль Дуная. На набережной, на видномъ мѣстѣ, красуется зданіе венгерскаго парламента. Имъ венгры гордятся, и еще на пароходѣ мы слышали совѣты осмотрѣть его.

Парламентъ—большое (оно занимаетъ 17.745 кв. метр.), въ готическомъ стилѣ, зданіе, съ грандіознымъ куполомъ посрединѣ, — дѣйствительно красиво и благородно. Вокругъ—90 каменныхъ статуй. Центръ зданія, подъ куполомъ, занимаетъ тронная зала, украшенная шестнадцатью статуями венгерскихъ королей и принцевъ. По обѣимъ сторонамъ ея—залы депутатовъ и магнатовъ,—обѣ одной величины и одинаково отдѣланы рѣзнымъ и золоченымъ деревомъ. Въ кулуарахъ—фрески, изображающія историческія событія Венгріи, и статуэтки народныхъ типовъ. Роскошный видъ на Дунай и противоположный берегъ открывается съ балкона зданія.

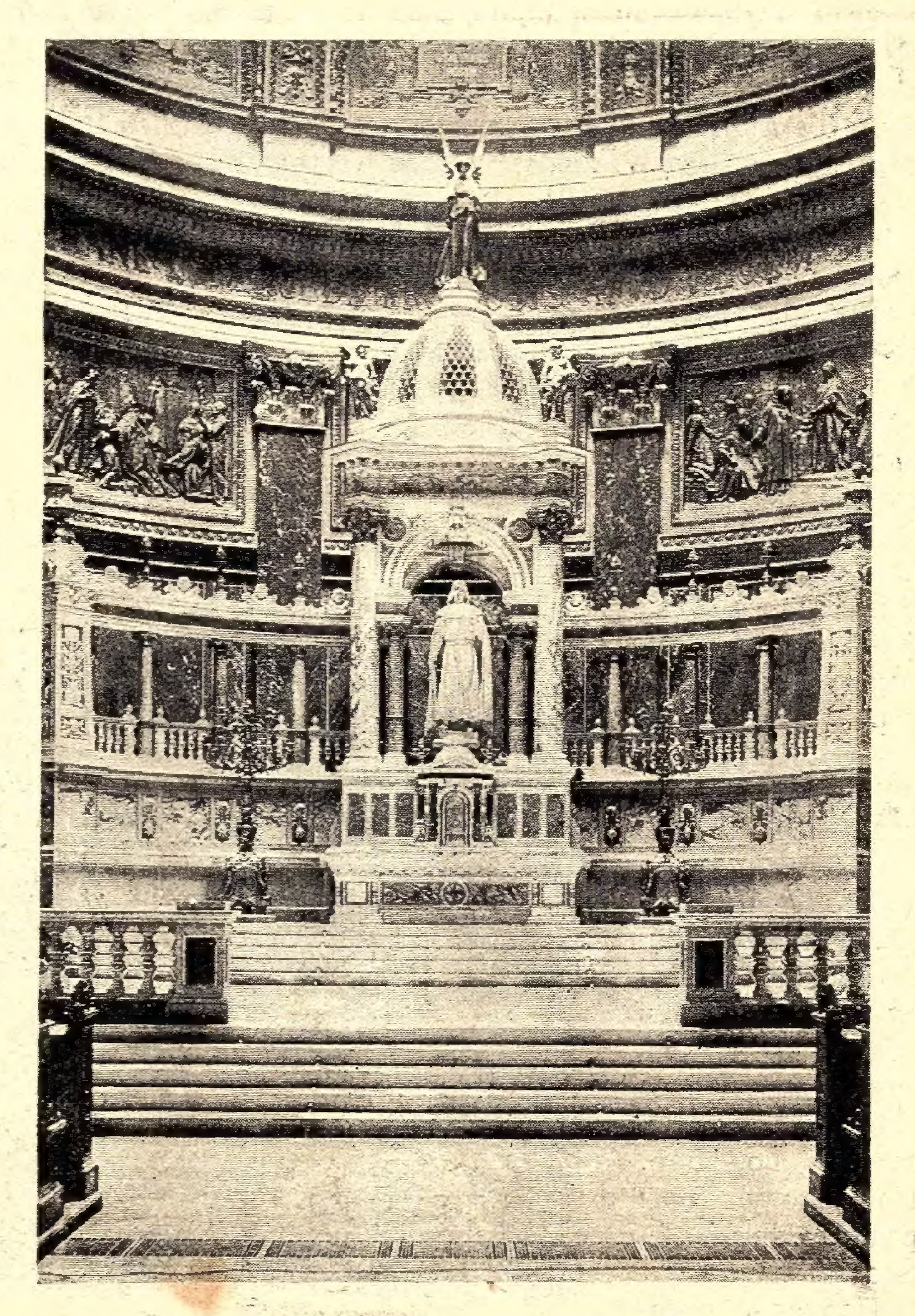
Пештъ соединяется съ Будой черезъ Дунай нѣсколькими мостами. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе находящійся въ центрѣ цѣпной мостъ св. Елизаветы. Онъ виситъ на четырехъ, высокихъ какъ башни, столбахъ и изъ города кажется готической постройкой. Когда смотришь на него съ рѣки, удивляешься его воздушности: онъ кажется легкимъ, легкимъ и совсѣмъ тонкимъ, а когда идешь по нему—поражаешься массивности звеньевъ его гигантскихъ цѣпей.

Мы перешли мостъ св. Елизаветы и очутились въ Будѣ—старѣйшей части столицы. Благодаря своему нагорному положенію, Буда издавна была столицей венгерскихъ королей, а по завоеваніи Венгріи турками—резиденціей визиря.

Пройдя небольшимъ тоннелемъ, прорытымъ въ скалѣ, возвышающейся прямо отъ набережной, мы сѣли въ вагонъ подъемной ж. д. и черезъ минуту были уже высоко, высоко, на широкой бѣлой площади. Внизу передъ нами Дунай, кружевной городъ на той сторонѣ,—но мы спѣшимъ къ Бургу.

Бургъ — великолѣпный дворецъ временъ Маріи Терезы. Передъ воротами, ведущими во дворъ дворца, — скульптурный фонтанъ, такъ называемый фонтанъ св. Матьяса (св. Матвѣя). Передъ манежемъ большая бронзовая группа—конюхъ, ведущій коня. Дворецъ изъ сѣраго камня, съ большимъ куполомъ. При немъ часовня, гдѣ хранятся коронаціонныя регаліи. Отъ дворца, внизъ по косогору, спускается уступами къ самому Дунаю садъ. У воротъ—старикъ-ветеранъ, въ старинномъ мундирѣ, расхаживаетъ медленно и важно. Въ саду, среди цвѣтниковъ на площадкѣ рѣзко выдѣляется на фонѣ неба темная конная статуя точно остановившагося на-скаку принца Евгенія, знаменитаго побѣдителя турокъ.

Выйдя изъ сада и пройдя желѣзными воротами, мы попали на большую бѣлую площадь. Съ одной стороны ея—старинная ратуша, съ другой — старый коронаціонный соборъ. Всѣ дома кругомъ — старинной постройки. Это —

Алтарь новаго собора (св. Стефана).

Музей земледѣлія.

большая площадь Бурга. Всюду здѣсь тишина, рѣдко-рѣдко проѣдетъ экипажъ. Только проходятъ тутъ и тамъ солдаты. По выдержанности и сосредоточенности настроенія Бургъ напоминаетъ нашъ Кремль.

Отсюда мы стали спускаться по направленію къ Дунаю. На небольшой площадкѣ мы остановились передъ великолѣпно выполненнымъ памятникомъ св. Стефана. Святой король, объединитель Венгріи, присоединившій страну къ католической церкви, съ крестомъ въ рукѣ сидитъ на конѣ и строго всматривается вдаль. Его одежда, сбруя коня разукрашены со всей той пышностью, на которую только и было способно средневѣковье. Съ одной стороны площадки находится павильонъ въ романскомъ стилѣ, похожій на маленькій сказочный замокъ. Отъ него ведутъ галлереи, забавные, узкіе переходы, откуда можно любоваться далекимъ видомъ, и широкая лѣстница внизъ, между цвѣтниками, мимо памятниковъ Яна Гуніади и св. Георгія, къ набережной Дуная.

Спустившись съ Бурга, мы прошли по набережной Буды мимо богатыхъ зданій источниковъ горькихъ минеральныхъ водъ и, миновавъ холмъ Бурга, стали подниматься на другой, сосѣдній, холмъ, на вершинѣ котораго развалины старой цитадели, гдѣ теперь устраиваются народныя гулянья. Оттуда какъ на ладони видны и Пештъ за Дунаемъ, и высокій Бургъ, и по ту сторону горы—холмы съ тонущими въ зелени виллами.

На полдорогѣ къ цитадели — одинъ изъ красивѣйшихъ памятниковъ Будапешта—епископу Геллерту, именемъ котораго и названа гора. На высокой скалѣ, на фонѣ полукруглой колоннады, стоитъ черная фигура въ монашескомъ одѣяніи, держащая крестъ въ протянутой рукѣ, точно благословляя страну. У ногъ его—прислушивающійся варваръ. Къ памятнику ведутъ снизу двѣ широкія лѣстницы зигзагами по горѣ. По склону горы расположенъ тѣнистый паркъ.

Парковъ, скверовъ, садовъ вообще много въ Будапештѣ. Лучшій изъ нихъ — большой городской паркъ, въ дальнемъ концѣ Пешта. Паркъ содержится прекрасно. Въ іюльскій жаръ трава блеститъ весеннимъ изумрудомъ, деревья свѣжія и даютъ прохладу и тѣнь. Среди деревьевъ прячутся мраморные памятники. Тутъ и тамъ блеститъ вода прудовъ. На островѣ одного изъ прудовъ — зданіе, похожее на средневѣковый замокъ. Оказывается—это музей земледѣлія. Тамъ же, немного дальше на открытой площадкѣ, большое выставочное зданіе и этнографическій музей.

Памятникъ поэту Петёфи.

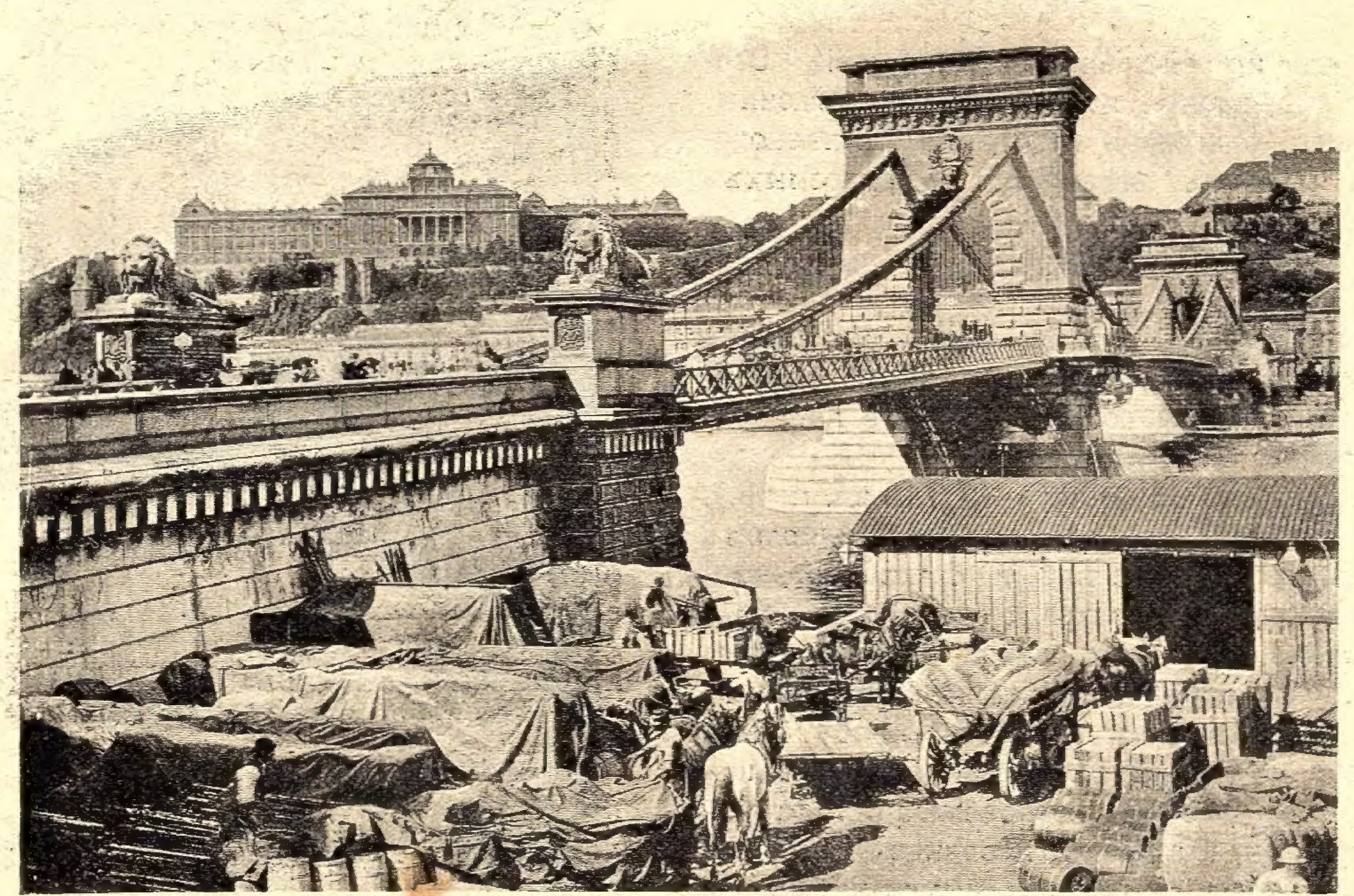
Музей подобранъ интересно,—въ немъ собраны костюмы, утварь, вся обстановка, характеризующіе бытъ народностей, населяющихъ Венгрію. Въ маленькихъ комнаткахъ, въ которыя можно заглянуть черезъ окошечко, устроены точныя копіи обстановки жилищъ, съ посаженными тутъ же, въ соотвѣтственныхъ костюмахъ, большими куклами.

Съ особеннымъ интересомъ разсматривали мы богатый отдѣлъ славянскихъ народностей, населяющихъ Венгрію. Въ музеѣ есть и интернаціональный отдѣлъ, но онъ гораздо слабѣе, и его нельзя сравнить съ соотвѣтствующими отдѣлами другихъ этнографическихъ музеевъ (напр., Берлина, Парижа, Мюнхена).

У выхода изъ парка находится музей изящныхъ искусствъ. Тамъ большая коллекція картинъ старинныхъ мастеровъ. Цѣнныя полотна Рафаэля, Мурильо, Ванъ-Дейка, Рубенса, Рембрандта и многихъ другихъ. Есть любопытная для насъ картина — „Пріемъ пословъ Дмитріемъ Самозванцемъ въ Грановитой палатѣ“.

Въ галлереѣ венгерскихъ художниковъ мы обратили вниманіе на имя Зичи, — того самаго Зичи, который иллюстрировалъ Лермонтовскаго „Демона“. Заинтересовала насъ и картина художника Паноніо, изображающая Цереру,—интересно, своеобразно написанную и словно олицетворяющую богатую хлѣбомъ и виномъ Венгрію.

Кромѣ этого центральнаго му-

Цѣпной мостъ черезъ Дунай; дальше — высится Бургъ.

ПАМЯТИ РУССКАГО ЗООЛОГА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА—М. Н. БОГДАНОВА.

(По поводу 25-лѣтія со дня его смерти).

Четвертаго марта исполняется четверть вѣка со дня смерти профессора зоологіи М. Н. Богданова, автора извѣстныхъ книгъ «Мірскіе захребетники» и «Изъ жизни русской природы».

Модестъ Николаевичъ Богдановъ былъ выдающимся русскимъ зоологомъ и путешественникомъ. Онъ родился въ 1841 году въ селѣ Русская Бекшанка, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губ., въ имѣніи своего отца, гдѣ и провелъ свое раннее дѣтство.

Въ дѣтствѣ ни игрушки ни игры не прельщали мальчика. «Лѣса и степи, озера и рѣки, съ ихъ лугами, болотами и кустами приковывали,—говоритъ Модестъ Николаевичъ,— всѣ мои помыслы. Таинственной и чудесной, вѣчно новой и заманчивой представлялась мнѣ жизнь ихъ обитателей — звѣрковъ, птичекъ, ящерокъ, улитокъ, лягушекъ, жучковъ и рыбъ.

«Каждый походъ въ лѣсъ, въ поле, на рѣчку кончался знакомствомъ съ новымъ невиданнымъ животнымъ. Каждый день передъ моими глазами развертывались новыя картины природы, картины живыя, подвижныя, перемѣнчивыя, гдѣ ни одна фигура не оставалась праздной, безучастной.

«Сцены жестокой борьбы между животными, вызываемыя голодомъ и враждой, смѣнялись сценами счастья, привязанности и самоотреченія. Природа открыла мнѣ доступъ въ свои завѣтные тайники».

Съ годами эта любовь къ изученію жизни животныхъ въ мальчикѣ росла и дѣлалась еще болѣе осмысленной.

Послѣ окончанія курса въ симбирской гимназіи, М. Н. Богдановъ поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ, главнымъ образомъ, изучалъ анатомію звѣрей и птицъ и много работалъ въ зоологическомъ музеѣ университета.

Однако изученіе мертвыхъ животныхъ его не привлекало. Ему хотѣлось наблюдать жизнь звѣрей и птицъ въ ихъ природной обстановкѣ, среди полей и лѣсовъ; молодой натуралистъ стремился черпать свои познанія непосредственно изъ великой книги живой природы.

Поэтому тотчасъ же послѣ окончанія университета М. Н. отправился съ нѣсколькими товарищами изучать животный міръ Поволжья.

Онъ спускается въ низовья Волги, плаваетъ по безчисленнымъ рукавамъ волжской дельты. Здѣсь молодого изслѣдователя поражаетъ шумная, крикливая жизнь многочисленныхъ и разнообразныхъ водяныхъ птицъ, и онъ всецѣло отдается изученію ихъ жизни.

Вернувшись изъ этой поѣздки, Богдановъ принимаетъ предложеніе Казанскаго Общества естествоиспытателей и лѣтомъ 1871 г. отправляется на Кавказъ. Въ Кавказскихъ горахъ онъ собираетъ богатый матеріалъ изъ жизни кавказскихъ животныхъ и птицъ. Но здѣсь его изслѣдованія были прерваны жестокой кавказской лихорадкой, послужившей первой причиной тяжкихъ болѣзней, отъ которыхъ онъ страдалъ.

Въ 1873 году мы видимъ молодого ученаго участвующимъ въ Хивинской экспедиціи, гдѣ онъ первый изслѣдовалъ пустыни Средней Азіи и Хивинскій оазисъ. Въ Хивинской экспедиціи М. Н. приходилось не только переносить всѣ тяжести походной жизни, но также принимать участіе и въ военныхъ дѣйствіяхъ, подвергая свою жизнь опасностямъ.

Результатомъ этого путешествія являются двѣ интересныя книги: «Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кизылъ-Кумъ» и «Описаніе Хивинскаго похода 1873 года». Черезъ годъ Богдановъ еще разъ посѣтилъ Закаспійскія степи, принявъ участіе въ экспедиціи генерала Столѣтова.

Послѣ путешествія въ Среднюю Азію М. Н. сталъ мечтать о поѣздкѣ въ Европу. Особенно хотѣлось ему попасть въ Берлинскій музей, гдѣ хранились богатыя коллекціи азіатскихъ степей, собранныя учителемъ Богданова, профессоромъ Эверсманомъ.

Въ 1875 г. его мечта осуществилась: онъ былъ командированъ на годъ за границу. М. Н. неутомимо работалъ въ музеяхъ Парижа, Берлина и Вѣны и вернулся въ Россію уже вполнѣ сложившимся ученымъ, съ широкими знаніями и съ собственными теоріями.

Профессоръ Модестъ Николаевичъ Богдановъ.

Вернувшись изъ-за границы, Богдановъ былъ избранъ проф. зоологіи при Петербургскомъ университетѣ. Въ университетскую аудиторію онъ принесъ свою неизмѣнную любовь къ природѣ и къ животнымъ. Студенты скоро полюбили профессора за его теплыя, живыя и красивыя лекціи, и онъ сдѣлался ихъ любимымъ учителемъ и товарищемъ.

Въ 1880 г. Богдановъ отправился во главѣ экспедиціи, снаряженной Петербургскимъ Обществомъ естествоиспытателей, на Бѣлое море и Сѣверный Ледовитый океанъ. Здѣсь онъ изучилъ Мурманскій берегъ и изслѣдовалъ жизнь рыбъ этого побережья, а также и китоловный промыселъ.

Послѣ этого путешествія Богдановъ рѣшилъ заняться большимъ литературнымъ трудомъ о русскихъ птицахъ. Теперь Богдановъ пользовался уже извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. Его ученыя сочиненія высоко цѣнились спеціалистами, и Академія Наукъ предприняла изданіе его «Орнитологіи Россіи» на свой счетъ.

Однако М. Н. не удалось осуществить всѣ свои задуманные планы ученыхъ работъ. Онъ успѣлъ закончить только первый выпускъ «Орнитологіи Россіи».

Тяжелая болѣзнь вынудила его прекратить свои любимыя занятія. Въ концѣ 1885 г. онъ долженъ былъ прекратить изъ-за болѣзни свои лекціи. Университетъ, во вниманіе къ ученымъ заслугамъ профессора, отправилъ его на Кавказъ для поправленія здоровья.

На Кавказѣ М. Н. дѣйствительно поправился. Затѣмъ онъ нѣкоторое время прожилъ на Волгѣ, такъ что осенью 1837 г. вернулся въ Петербургъ, мечтая возобновить свои занятія. Но, съ первыми же лекціями въ университетѣ, припадки болѣзни снова вернулись, и онъ слегъ въ постель.

Такъ прошла зима 1888 г. Наступилъ мартъ мѣсяцъ. Природа снова пробуждалась отъ зимняго сна и оживала.

Больной профессоръ вспоминалъ, какъ онъ всегда встрѣчалъ весну, и своими слабѣющими руками набрасывалъ картину весенняго воскресенія природы въ своемъ очеркѣ «Глухарь», которому суждено было стать послѣднимъ разсказомъ талантливаго ученаго.

4 марта наступила роковая развязка, и онъ тихо скончался на рукахъ своихъ домашнихъ. 7 марта М. Н. похоронили въ Александро-Невской лаврѣ, куда его гробъ провожала тысячная толпа студентовъ.

Человѣкъ съ широкими взглядами, М. Н. Богдановъ не ограничивался только простымъ описаніемъ животныхъ. Изучая ихъ жизнь, онъ изучалъ также и природу страны, гдѣ жили эти животныя.

Онъ любилъ природу и умѣлъ мастерски описывать ее. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи его книги: «Птицы и звѣри черноземной полосы» и «Очерки природы Хивинскаго оазиса».

Въ первой книгѣ онъ далъ замѣчательное описаніе Поволжья, вліяніе песковъ и рѣкъ на міръ животныхъ.

Кромѣ чисто-научныхъ сочиненій, Богдановъ писалъ также много популярныхъ очерковъ изъ жизни животныхъ и птицъ, которые печатались сначала въ журналѣ „Родникъ", а затѣмъ выходили отдѣльными брошюрами и книжками; нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ выдержали по нѣсколько изданій.

Особенной популярностью пользуются его книги «Мірскіе захребетники» или «За чужимъ горбомъ», и сборникъ разсказовъ «Изъ жизни русской природы».

Какъ научныя сочиненія, такъ и научно-популярные очерки М. Н. Богданова считаются образцовыми по ясности языка.

Въ каждой строчкѣ М. Н. проглядываетъ любовь къ природѣ и къ животнымъ, и со страницъ его книгъ какъ бы слышится завѣтъ:

«Любите жизнь, любите природу, трудитесь, чтобы быть полезными, будьте полезны, чтобы быть любимыми».

Л.

зея, въ Будапештѣ есть еще нѣсколько музеевъ различныхъ назначеній. Изъ нихъ наиболѣе интересенъ національный музей, хранящій богатую коллекцію древностей, часто очень художественныхъ. Такъ, интересна шапка Константина Мономаха Византійскаго, нѣсколько турецкихъ сѣделъ слоновой кости съ поразительно тонкимъ рельефомъ и др. Въ послѣдней комнатѣ музея хранится старинный рояль. Это рояль Бетховена, пожертвованный музею Листомъ. Мы открыли крышку и тронули клавишу—раздался слабый, немного дребезжащій звукъ.

Венгры, такъ недавно вступившие на путь свободнаго и самостоятельнаго развитія, стремятся не отставать отъ своихъ сосѣдей и даже превзойти какъ во внѣшней, такъ и во внутренней культурѣ. Въ Будапештѣ есть академія наукъ, поставившая своей цѣлью помогать развитію венгерской науки и венгерскаго языка (она была основана еще въ 1830 году, когда сильно было гоненіе на венгерскій языкъ), академія музыки, покровительствующая венгерскимъ музыкантамъ, консерваторія, политехникумъ, военная академія и университетъ съ богатой библіотекой.

Университетъ былъ основанъ въ Будѣ въ 1780 году (еще въ средневѣковье, въ 1388 г., здѣсь было учреждено высшее учебное заведеніе) и въ 1784 г. переведенъ въ Пештъ. При университетѣ хорошая лабораторія и научные кабинеты. Кромѣ того, въ Будапештѣ нѣсколько научныхъ обществъ (историческихъ и естественныхъ наукъ, геологическое, географическихъ и др.).

Въ Будапештѣ много театровъ—и оперныхъ и драматическихъ—всѣ на венгерскомъ языкѣ.

Пока мы знакомимся съ культурной жизнью города, запертой въ музеяхъ и галлереяхъ, на улицахъ идетъ своя, тоже культурная, но дѣловая, торопливая жизнь. Снуютъ торопливо люди, быстро, всегда спѣша, оживленно шумитъ большой рынокъ, въ богатыхъ нарядныхъ магазинахъ смѣняется непрерывный токъ покупателей.

Но вотъ спускаются надъ Дунаемъ сумерки. Городъ становится еще наряднѣе. Ярко освѣщены окна магазиновъ; по свѣтлымъ, широкимъ улицамъ движется нарядная толпа. Постепенно замираетъ дѣловая жизнь,—но на улицахъ не пустѣетъ. Наоборотъ, еще больше движенія, еще больше людей. Всѣ кафе—а ихъ въ Будапештѣ множество — переполнены. На набережной Франца-Іосифа играетъ музыка, и въ обѣ стороны, занимая всю ширину улицы (экипажамъ сюда въѣздъ воспрещенъ) движется парадная, блестящая толпа. Здѣсь и въ прилегающихъ кафе встрѣчаются, сюда приходятъ отдыхать, здѣсь шумно и весело.

А по рѣкѣ, потерявшей свой мутно-желтый цвѣтъ и кажущейся теперь таинственной и манящей, бѣгутъ ярко освѣщенные пароходы. Время отъ времени, точно по воздуху, пролетаетъ надъ водой по мосту рядъ огней трамвая. А на той сторонѣ тянется огненное ожерелье набережной и блестятъ тамъ и сямъ огни на холмѣ Бурга.

Въ кафе странная, рѣзкая, звучитъ венгерская музыка, и отъ нея становится еще шумнѣе и веселѣе.

Въ этомъ ночномъ движеніи съ новой яркостью выступаетъ нервная жизнь большого города, днемъ погруженнаго въ дѣла и заботы, вечеромъ отдыхающаго и веселящагося.

Въ плѣну снѣговъ.

Изъ разсказовъ «На вольномъ воздухѣ» Гедберга.

Рѣзко холодный февральскій день съ яснымъ небомъ и блескомъ солнца на покрытыхъ снѣгомъ деревьяхъ.

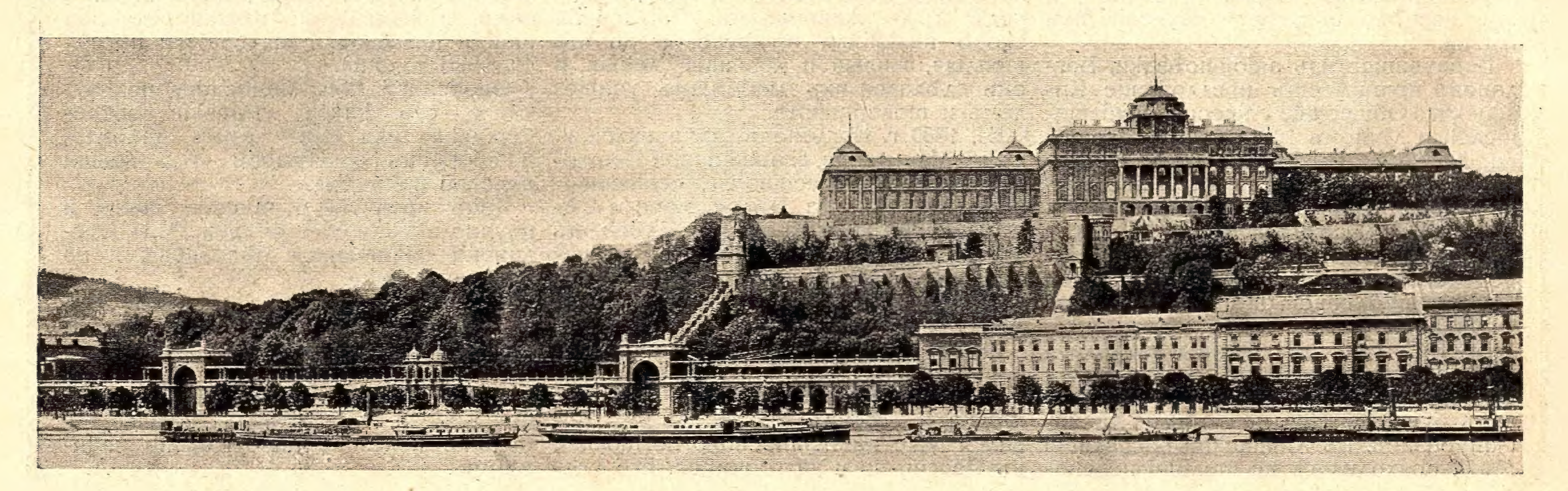
Тепло укутанный въ овчинную шубу, я ѣду въ крошечныхъ санкахъ по мало наѣзженной зимней дорогѣ въ одной изъ лѣсистыхъ окраинъ Нюланда. Рядомъ со мной сидитъ лѣсной сторожъ, покачивая лыжами, которыя онъ держитъ то въ той, то въ другой рукѣ.

Всюду глубокій снѣгъ. Вокругъ ограды полей и дворовъ живописно наметены высокіе сугробы, а по ту сторону заборовъ торчитъ изъ-подъ снѣга прошлогоднее жниво.

Въ лѣсу снѣгъ лежитъ футовъ на пять въ толщину, гладко и рыхло. Кусты и трава, камни и пни погребены подъ нимъ. Даже десятилѣтнія деревца торчатъ изъ-подъ него одними верхушками.

Молодыя ели похожи на бѣлыя кегли съ своими плотно прижатыми къ стволу вѣтвями. Верхушки сосенъ превратились въ огромные снѣжные комья, а гибкія, высокія лѣсныя березы, вытянувшіяся кверху сквозь вѣтви хвойныхъ деревьевъ, согнулись подъ тяжестью снѣга почти въ полную дугу и склонились надъ сугробами.

Послѣ послѣдняго снѣга по дорогѣ проѣхала только одна телѣга, проложившая глубокія борозды и оставившая по краямъ дороги клочки душистаго зеленаго сѣна. Вокругъ этихъ клочковъ натоптаны частые мелкіе слѣды полевокъ, отважившихся сюда за кормомъ. Лошадь съ трудомъ тащитъ за собой санки и медленно подвигается впе-

Общій видъ Бурга съ будапештскимъ городскимъ паркомъ и дворцомъ Маріи-Терезы.

редъ. Когда ея голова или хомутъ задѣваютъ за висящую надъ дорогой вѣтку, снѣгъ валится пышными хлопьями на ея спину, бока и на санки.

Мнѣ постоянно приходится остерегаться, чтобы эти маленькія лавины не валились мнѣ за воротникъ шубы. Санки ползутъ на своемъ днѣ, а полозья то и дѣло уходятъ глубоко въ снѣгъ.

Лѣсникъ безпрестанно спрыгиваетъ съ саней, чтобы погрѣть ноги, и лошади становится легче.

Воздухъ легокъ и чистъ, но такъ холоденъ, что моя борода и воротникъ совсѣмъ бѣлы отъ инея. По лѣвую сторону дороги снѣгъ блеститъ на солнцѣ, какъ хрусталь, а по правую лежитъ въ голубоватой холодной тѣни.

— Когда мы доѣдемъ до слѣдующей усадьбы, я слѣзу и на лыжахъ отправлюсь въ Мустакорпи. Поѣзжай впередъ до перекрестка у Пуотилы, потомъ возьми влѣво и доѣзжай до того мѣста, гдѣ у насъ въ прошломъ году была угольная яма. И тамъ подожди меня, понимаешь?

— Понимаю, конечно. По дорогѣ въ Пуотилу до угольной ямы и тамъ подождать. Но... вамъ не удастся пройти на лыжахъ въ Мустакорпи. Вѣдь туда двѣ версты, по крайней мѣрѣ, а снѣгъ совсѣмъ рыхлый.

— Пройду! Мнѣ надо осмотрѣть тамъ строевой лѣсъ.

— Строевой лѣсъ въ Мустакорпи!! Да тамъ его столько, что зимняго дня не хватитъ, чтобы осмотрѣть его. Отложите лучше, господинъ!

— Да, если бы можно было! Но я не могу...

— Отчего не можете?

— Ну, это, положимъ, мое дѣло. Поѣзжай себѣ потихоньку, куда я сказалъ, да покрой хорошенько лошадь, когда доѣдешь. Если найдешь у ямы какіе-нибудь остатки, то разведи огонь, морозъ сильный.

— Да, холодно. Щиплетъ до слезъ. А все-таки лучше не ходите, господинъ!

— Оставь, пожалуйста.

Мы вскорѣ доѣхали до послѣдняго двора. Лошадь охотно остановилась отъ слабаго напряженія вожжей, обернулась, фыркнула и сильно затрясла всѣмъ тѣломъ, стараясь сбросить снѣгъ, который таялъ на ея теплой спинѣ.

Я снялъ шубу и надѣлъ ее на лѣсника, чтобы и ему было тепло и шуба не остыла бы, сталъ на лыжи, взялъ палку и углубился въ лѣсъ, въ то время какъ санки стали медленно удаляться по дорогѣ.

* * *

Лѣсной участокъ Мустакорпи, который мнѣ нужно было осмотрѣть, былъ расположенъ въ ровной, длинной долинѣ, ограниченной съ обѣихъ сторонъ грядами холмовъ.

Вся долина заросла старымъ, болѣе чѣмъ столѣтнимъ сосновымъ лѣсомъ, перемѣшаннымъ съ елями. Въ этомъ заповѣдномъ краю съ незапамятныхъ временъ не раздавался стукъ топора.

Сосны стояли тамъ прямыя, какъ свѣчи, съ красной блестящей корой и маленькими коронами на самыхъ верхушкахъ. Ели были значительно моложе и стволы ихъ тоньше. Живыя вѣтки были у нихъ немного выше, чѣмъ обыкновенно въ чащѣ, а подъ ними висѣли огромныя мертвыя вѣтки, покрытыя сѣрымъ мхомъ.

Солнце касалось только верхушекъ деревьевъ, а подъ ними вокругъ стволовъ царила сине-лиловая тѣнь, пріятная для глазъ послѣ ослѣпительно-яркаго свѣта на открытыхъ мѣстахъ. Только тамъ и сямъ черезъ какое-нибудь отверстіе въ чащу проникалъ полный дневной свѣтъ.

Я остался въ короткой мѣховой курткѣ, которая не мѣшала движеніямъ. Снѣгъ былъ, дѣйствительно, очень рыхлый и плохо держалъ, и лыжи скользили достаточно медленно для того, чтобы успѣвать внимательно всматриваться въ лѣсъ, запечатлѣть его въ своей памяти и составить себѣ приблизительное понятіе о количествѣ строевого матеріала.

Болѣе быстрая ходьба была даже не желательна. Было всего половина одиннадцатаго, и я разсчитывалъ пройти эти двѣ версты не спѣша.

Лыжи тихо скрипѣли по снѣгу, палка оказывала на неровностяхъ достаточную поддержку, взглядъ мой съ удовольствіемъ скользилъ по стволамъ роскошныхъ деревьевъ, а въ головѣ складывались соотвѣтственныя представленія: діаметръ средней вышины и верхушки такой-то, столько-то стволовъ на квадратной сажени и т. д.

Кругомъ меня была глубокая тишина зимняго лѣса, спокойнаго, холоднаго, голубовато-бѣлаго, съ сѣткой красныхъ и сѣрыхъ стволовъ и узкими полосами яркаго солнечнаго свѣта.

Уголокъ зимняго лѣса въ Финляндіи. *Рис. Оскара Бергмана.*

Навстрѣчу мнѣ изрѣдка попадались стайки синицъ, по большей части сосновыхъ или хохлатыхъ. Эти маленькіе лѣсные бродяги не покидаютъ большого лѣса даже въ самыя суровыя зимы, когда ихъ сородичи, большія синицы, держатся около самыхъ жилищъ человѣка и кормятся долей воробьевъ, иногда забираются даже на чердаки и въ амбары.

Синички скользили по вѣткамъ, прицѣплялись, гдѣ придется, и внимательно осматривали каждую трещинку въ корѣ, не скрывались ли тамъ яйца или куколки насѣкомыхъ. Стайка была въ безпрестанномъ движеніи, разсѣивалась и собиралась снова, постоянно перекликаясь.

— Тьи-тьи! тэ-тээ! — раздавалось на деревьяхъ.

Птички торопились набрать достаточно пищи для поддержанія тепла и жизни въ своихъ крошечныхъ тѣльцахъ. Никто не успѣвалъ даже оглядываться на товарищей, всѣ перекликались для того, чтобы не растеряться.

Но крикъ ихъ былъ такъ слабъ и тонокъ, что даже не нарушалъ лѣсной тишины. Сами онѣ были такъ малы и такъ проворны, что нужно было присматриваться очень пристально для того, чтобы замѣтить ихъ среди снѣжныхъ вѣтвей.

Я медленно пробирался по рыхлому снѣгу.

На небольшой полянкѣ росла кучка старыхъ вѣтвистыхъ березъ. На ихъ обнаженныхъ вѣтвяхъ сидѣло нѣсколько тетеревовъ съ взъерошенными перьями, блестѣвшими на солнцѣ и отливавшими синими и коричневыми тѣнями. Ихъ

ИЛЛЮСТРАЦIИ КЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫМЪ ПРОИЗВЕДЕНIЯМЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Иллюстрацiи художника Апсита.

«ВОЙНА и МИРЪ». — Наполеонъ остановился надъ княземъ Андреемъ. (Книга VIII прилож., стр. 277).

большiя толстыя тѣла красиво выдѣлялись на чистомъ воздухѣ и оживляли голыя вѣтви березъ. Они, казалось, не боялись холода и медленно поворачивали головы, не вытягивая шеи, чтобы посмотрѣть вслѣдъ одинокому путнику.

Только самый старый изъ нихъ издалъ короткiй предостерегающiй звукъ.

Немного дальше, около небольшого пригорка, лежала старая осина, поваленная какой-нибудь осенней бурей, а вокругъ ея торчавшихъ изъ-подъ снѣга вѣтокъ были натоптаны во всевозможныхъ направленiяхъ слѣды зайца, глодавшаго сухую кору. Слѣды вели черезъ холмикъ въ глубь лѣса и во многихъ мѣстахъ пересѣкались слѣдами лисицы, подстерегавшей свою добычу.

Мои мысли были такъ заняты всѣмъ окружающимъ, что я совершенно забылъ о времени, а потому совершенно неожиданно увидалъ передъ собой глубокiй оврагъ, находившiйся приблизительно на половинѣ моего пути. Небольшой ручеекъ прорылъ себѣ въ рыхлой лѣсной почвѣ русло глубиною до 80 футовъ.

Оба края оврага круто спускались внизъ и сверху донизу поросли густымъ ельникомъ, сильно вытянувшимся кверху въ погонѣ за солнечнымъ свѣтомъ. Дно его было такъ узко, что ручеекъ съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу сквозь груды валежника.

Черезъ этотъ оврагъ мнѣ необходимо было перейти, потому что онъ перерѣзалъ мнѣ дорогу.

Я выбралъ мѣсто, не заросшее елками, сѣлъ верхомъ на палку, чтобы тормозить бѣгъ, и началъ спускаться.

Но не успѣлъ я проѣхать сажени, какъ палка треснула какъ разъ посрединѣ, и лыжи, не сдерживаемыя ничѣмъ, полетѣли внизъ съ головокружительной быстротой. Балансируя обѣими руками, я поневолѣ стремился вмѣстѣ съ ними, не въ состоянiи ни задержать ихъ быстраго бѣга, ни управлять ими, пока они, наконецъ, не зацѣпились за какую-то вѣтку на днѣ оврага, и я полетѣлъ головой прямо въ снѣгъ.

* * *

Не легко было встать опять на ноги и отряхнуться отъ снѣга, который забился за рукава и воротникъ и таялъ, непрiятно охлаждая разгоряченное тѣло.

Наконецъ мнѣ удалось подняться, и я, стоя по поясъ въ снѣгу, началъ оглядываться и искать свои лыжи. Онѣ лежали около меня, зацѣпившись за густую елку. Но одна изъ нихъ была сломана какъ разъ посрединѣ и никуда не годилась. Всѣ мои попытки починить ее какъ-нибудь остались безплодными.

И вся серьезность моего положенiя разомъ встала передо мной. Отъ оврага до ближайшей дороги было не меньше версты. Снѣгъ доходилъ мнѣ до пояса и не держалъ совсѣмъ. Звать на помощь было безполезно. Мой голосъ едва ли достигъ бы дальше десятка саженей въ засыпанномъ снѣгомъ лѣсу. Попробовать итти на одной лыжѣ, опираясь на обломокъ палки, тоже не стоило Итти вбродъ по поясъ въ снѣгу было неимовѣрно трудно, но это было единственное, что можно было предпринять, если я не хотѣлъ оставаться въ оврагѣ, и пассивно ждать помощи.

Я утопталъ вокругъ себя небольшое пространство, сѣлъ на обломки лыжи, зажегъ сигару и началъ обдумывать свое положенiе.

Если я во-время не пріѣду къ назначенному мѣсту у угольной ямы, то лѣсникъ, прождавъ болѣе или менѣе долгое время, уѣдетъ, наконецъ, домой. Отправится онъ, вѣроятно, часовъ въ шесть.

Для того, чтобы добраться до дому по ненаѣзженнымъ дорогамъ, нужно, по крайней мѣрѣ, два часа.

Затѣмъ пройдетъ, вѣроятно, еще два часа, прежде чѣмъ дома рѣшатъ, что я остался въ лѣсу, и пошлютъ на помощь. Чтобы добраться на лыжахъ до того мѣста, гдѣ я свернулъ съ дороги, нужно еще часъ, да другой, чтобы дойти до меня по моимъ слѣдамъ.

Итакъ, цѣлыхъ шесть часовъ съ того момента, когда лѣсникъ рѣшитъ отправиться въ обратный путь.

Я вынулъ часы—былъ часъ пополудни, а помощь могла притти не раньше полуночи. До тѣхъ поръ я, безъ сомнѣнія, могъ замерзнуть въ своей легкой одеждѣ. Ножа у меня съ собой не было, и я не могъ даже развести огонь. Кромѣ того, я очень часто во время своихъ поѣздокъ оставался ночевать въ сторожкѣ, и лѣсникъ могъ прямо отправиться къ себѣ, не сказавъ никому о моемъ отсутствіи.

Въ такомъ случаѣ я навѣрняка погибну, если буду сидѣть и ждать помощи въ своемъ оврагѣ.

Если же я попробую выбраться на дорогу, то мнѣ нужно будетъ пройти 2 версты въ пять часовъ, предполагая, что лѣсникъ прождетъ меня у ямы до шести часовъ. Я разсчиталъ длину своего шага—шесть шаговъ въ минуту, не останавливаясь. Дѣло возможное!

Но куртку придется снять, ея тяжесть только утомитъ меня. При такомъ усиленномъ движеніи холодъ не опасенъ. Прежде всего легкость движеній!

Итакъ, куртку долой, сигару прочь—въ дорогу.

Ноги приходилось поднимать такъ высоко, что колѣни при каждомъ шагѣ ударяли въ грудь. Нужно было сразу наклонять туловище впередъ и налегать всей тяжестью на поднятую ногу, которая вся уходила въ снѣгъ, только такимъ образомъ можно было вытащить изъ снѣга другую и занести ее впередъ.

Уцѣлѣвшую лыжу я взялъ съ собой и, везя ее по снѣгу, опирался на нее одной рукой — это отчасти облегчало работу. Когда я выкарабкался изъ оврага, потъ лилъ съ меня градомъ и я пыхтѣлъ какъ паровозъ.

Такая поспѣшность никуда не годилась, тѣмъ болѣе что при всякомъ движеніи холодъ забирался за одежду и все тѣло содрогалось. Приходилось запасаться терпѣніемъ и благоразуміемъ. Шесть шаговъ въ минуту — не больше!

Я провѣрилъ это съ часами въ рукахъ. Дѣло шло сравнительно хорошо. Если я выдержу пять часовъ такой ходьбы—я спасенъ.

Но вскорѣ брюки мои промокли насквозь—снѣгъ таялъ, несмотря на сильный морозъ. Потомъ руки стали мерзнуть

ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Иллюстраціи художника Апсита.

«ВОЙНА и МИРЪ».—Долоховъ поднялъ пистолетъ и сталъ цѣлиться. (Книга V прилож., стр .22).

такъ, что приходилось поминутно останавливаться, чтобы согрѣвать ихъ.

По прошествіи часа силы мои значительно упали. Я совсѣмъ запыхался и долженъ былъ остановиться, чтобы успокоить свое сильно бьющееся сердце.

Чтобы не поднимать ноги такъ высоко, я попробовалъ ползти на колѣняхъ, но дѣло не пошло—я увязалъ почти такъ же глубоко въ рыхломъ снѣгу. Лечь на лыжу и ползти по землѣ тоже было не легче—она тонула и тѣло прикасалось къ снѣгу.

Когда прошелъ второй часъ, я былъ такъ утомленъ, что мнѣ снова пришлось остановиться. Мѣсто, на которомъ я теперь находился, мало отличалось отъ прежняго. Поверхность была такая же горизонтальная, а ощупывая почву подъ ногами, я замѣтилъ, что она была такъ же обильно покрыта растительностью. Лѣсъ былъ такъ же строенъ и высокъ, только здѣсь преобладали ели, а старыя березы и осины попрежнему вносили разнообразіе въ монотонность хвойнаго лѣса.

Что солнце еще не зашло, я зналъ по часамъ, да и на верхушкахъ сосенъ еще игралъ розовато-лиловый отблескъ. Но внизу, между стволами густого лѣса уже царила сѣро-бѣлая тѣнь. Кругомъ была совершенная тишина. Ни одинъ изъ неопредѣленныхъ звуковъ лѣса въ лѣтніе вечера и ночи, такъ хорошо знакомыхъ охотнику и лѣснику, не достигали моихъ ушей. Я не слышалъ больше перекликанья синичекъ. Болѣе глубокой тишины не могло быть и подъ сводами склепа.

Морозъ крѣпчалъ. Онъ заставлялъ меня то и дѣло останавливаться и бить руками для усиленія кровообращенія. Мокрое платье леденило тѣло, какъ только я останавливался.

Не страдали только ноги, обутыя въ теплые сапоги.

Но сильная усталость предательски овладѣвала мною. Дрожь пронизывала меня и ослабляла силу воли. Мнѣ хотѣлось броситься въ снѣгъ, не трудиться, не мучиться больше—все это было, можетъ-быть, безполезно.

Ноги приходилось поднимать такъ высоко, что колѣни ударяли въ грудь.

Мое положеніе стало болѣе критическимъ, чѣмъ прежде, и въ довершеніе всего, мнѣ въ голову закралась мысль, что я сбился съ пути, хотя я съ самаго начала старался держаться прямого направленія.

Эта мысль сильно угнетала меня. Если я хоть немного сбился съ дороги, спасеніе было невозможно, потому что моя усталость не допускала ни малѣйшаго продленія пути.

И вотъ, въ порывѣ отчаянія, я болѣзненнымъ усиліемъ воли стряхнулъ съ себя апатію и снова двинулся впередъ.

Мысль, что я заблудился, не давала мнѣ, однако, покоя. Дойдя до высокой ели, вѣтви которой спускались достаточно низко, я рѣшилъ забраться на нее, чтобы въ послѣдній разъ при полномъ дневномъ свѣтѣ осмотрѣть окрестность.

Это должно было отнять у меня четверть часа, но возможность успокоить свои сомнѣнія была слишкомъ заманчива.

Взобраться было нелегко, труднѣе, чѣмъ я ожидалъ. Главной непріятностью былъ опять-таки снѣгъ, который падалъ съ верхнихъ вѣтокъ и осыпалъ меня съ головы до ногъ. Вѣтки мѣстами такъ отвисли и были такъ гладки, что нога скользила съ нихъ и я повисалъ на рукахъ. Наконецъ я забрался все-таки настолько высоко, что могъ свободно видѣть все кругомъ.

Я сѣлъ на одну изъ вѣтокъ, стряхнулъ снѣгъ съ сосѣднихъ и осмотрѣлся. Широкая картина развернулась передъ моими глазами. Во всѣ стороны тянулся лѣсъ—верхушка къ верхушкѣ, всѣ засыпанныя снѣгомъ.

Большой участокъ долины Мустакорпи былъ какъ на ладони, оба подъема, направо и налѣво, были ясно замѣтны на чистомъ воздухѣ.

Солнце стояло довольно низко надъ западной возвышенностью; его косые лучи бросали на снѣжныя верхушки сильный красноватый свѣтъ, который, отражаясь отъ нихъ, наполнялъ всю долину. На противоположномъ склонѣ верхушки сіяли ослѣпительно бѣлымъ блескомъ. Но мнѣ было не до красоты оттѣнковъ.

Я вскорѣ убѣдился, что держался вѣрнаго направленія. Западная возвышенность, къ которой я направлялся, оказывалась даже значительно ближе, чѣмъ я разсчитывалъ.

Отъ моей ели до нея было не больше двухъ или трехъ сотъ аршинъ, а у подножья ея пролегала дорога. Я прошелъ гораздо больше, чѣмъ я думалъ.

Сердце мое забилось сильнѣе. Я постарался запомнить и разсчитать направленіе. Совершенно вѣрно! Вдали, чуть-чуть въ сторону отъ того пункта, къ которому я стремился, поднимался тоненькой струйкой легкій дымокъ, сначала прямой, затѣмъ расстилавшійся прозрачнымъ облачкомъ.

Это былъ костеръ моего лѣсника. И какъ близко! Я набралъ воздуху и испустилъ звонкій крикъ, который, разрѣзавъ морозный воздухъ, вызвалъ громкій отголосокъ.

Еще одинъ крикъ, и я ясно услышалъ отвѣтъ. Тогда, собравъ всѣ свои силы, я закричалъ, останавливаясь на каждомъ словѣ:

— Лыжа — сломалась — протопчи—дорогу—сюда!

Черезъ нѣсколько секундъ моихъ ушей коснулся откликъ, и я проворно спустился съ дерева.

Силы мои сразу удвоились. Я едва замѣчалъ холодъ. Я сталъ пробираться впередъ съ новой энергіей, то ползя на колѣняхъ, то шагая ногами. Полчаса спустя, я ясно услышалъ голосъ лѣсника въ надвигающихся сумеркахъ.

Когда мы, наконецъ, встрѣтились, то съ легкостью прошли вдвоемъ остатокъ пути—по протоптаннымъ имъ слѣдамъ. Пока моя шуба грѣлась у огня, я разсказалъ ему подробно о своемъ несчастьи. Потомъ плотно закутался въ теплую шубу, поднялъ воротникъ и обмоталъ себя нѣсколько разъ кушакомъ. Лошадь повернула домой. Я усѣлся въ сани и натащилъ на себя насколько было возможно мѣховую полость. Лѣсникъ сѣлъ рядомъ и взялъ вожжи.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже спалъ. Послѣднія слова, которыя я услышалъ, было ворчаніе лѣсника насчетъ того, что онъ не даромъ мнѣ совѣтовалъ не итти на лыжахъ.

Съ тѣхъ поръ, когда я слышу или читаю о томъ, что кто-нибудь погибъ въ снѣгу, то ясно представляю себѣ все, что долженъ былъ испытать этотъ человѣкъ—его тщетныя усилія, его усталость, апатію и непреодолимый соблазнъ лечь, перестать бороться и заснуть въ снѣгу, хотя бы и навсегда.

Съ шведскаго **Е. Торнеусъ.**

ПОДВОДНЫЙ АКВАРІУМЪ.

Очеркъ Н. Ѳ. Золотницкаго.

Идея подводнаго акваріума въ Москвѣ.—Осуществленіе ея въ Англіи.—Разныя наблюденія въ немъ надъ рыбами и фотографированіе ихъ.—Подводный морской акваріумъ въ Гонолулу.—Красота подводныхъ ландшафтовъ.

Много лѣтъ тому назадъ въ числѣ мечтаній, какъ устроить акваріумъ въ московскомъ зоологическомъ саду, былъ проектъ устроить его близъ берега, въ пруду въ видѣ камеры, большое стеклянное окно которой выходило бы прямо въ воду. Какъ теперь помню всѣ эти планы и фантазіи, этотъ сонъ „a la Жюль Вернъ“ въ производившемъ тогда фуроръ его романѣ „20.000 лье подъ водой“.

Предполагали устроить у берега спускъ, огородивъ его съ обѣихъ сторонъ отъ воды стѣнами, которыя бы вели въ небольшое, сдѣланное изъ кирпича и металлическихъ скрѣповъ, помѣщеніе.

Три стѣны послѣдняго должны были быть непрозрачныя, а четвертая, какъ мы сейчасъ сказали, стеклянная. Внутри его должна была царить полная темнота, такъ какъ единственнымъ источникомъ освѣщенія предполагали свѣтъ, проникающій сквозь стеклянную стѣну изъ пруда.

Конечно, ночью или въ пасмурную погоду изъ такого помѣщенія многаго нельзя было видѣть, но въ солнечный день или при искусственномъ ночномъ освѣщеніи воды пруда—должна была представиться необычайно интересная картина всего прилегающаго къ камерѣ участка пруда со всѣмъ его подводнымъ населеніемъ, которое, будучи привлечено, особенно ночью, искусственнымъ свѣтомъ, не замедлило бы столпиться у наблюдательнаго окна.

Здѣсь-то, мечтали мы, любители акваріума, сидя передъ окномъ, какъ въ Наутилусѣ, можно наслаждаться такимъ зрѣлищемъ подводной жизни, какого нельзя видѣть ни въ одномъ наземномъ акваріумѣ, можно видѣть то, что до сихъ поръ существовало только въ области фантазіи... словомъ, мечтаніямъ не было конца.

Но всѣ эти увлекательные планы, къ прискорбію, должны были рушиться изъ-за самой обычной прозаической причины, — изъ-за недостатка денежныхъ средствъ, такъ какъ выполненіе подобнаго акваріума потребовало бы, несомнѣнно, немалыхъ затратъ, а въ распоряженіи мечтателей были лишь гроши.

Но то, что являлось непосильнымъ для московскихъ любителей, оказалось возможнымъ и осуществимымъ для англичанъ и притомъ не для какого - либо обладающаго крупными средствами общества или научнаго учрежденія, а просто для одного заинтересовавшагося этимъ вопросомъ лица.

Исходя изъ той точки, что въ то время, какъ біологическія изслѣдованія наземныхъ животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и проч., производятся очень тщательно, а міръ подводныхъ обитателей, особенно рыбъ, находится еще въ полномъ забросѣ, англійскій профессоръ Фрэнсисъ Уардъ рѣшилъ заняться этимъ вопросомъ и устроить себѣ такой наблюдательный подводный постъ, гдѣ бы, невидимый для обитателей водъ, онъ могъ бы наблюдать ихъ жизнь, ихъ нравы и ихъ привычки во всей ихъ полнотѣ, а также для того, чтобы дать возможность ознакомиться съ этимъ зрѣлищемъ и другимъ, и запечатлѣвать всѣ наблюдаемые изъ этой камеры наиболѣе интересные моменты этой жизни при помощи фотографіи.

И вотъ, онъ придумалъ какъ разъ такую же подводную комнату, о какой когда-то мечтали мы, москвичи.

На днѣ рѣчки, близъ берега, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 1), была сдѣлана изъ дерева и бетона такая же темная камера съ одной стеклянной, выглядывающей въ рѣчку, стѣнкой. Для того же, чтобы придать ей болѣе устойчивости, вся находящаяся на берегу часть ея была засыпана землей, а по краямъ, на выглядывавшихъ изъ воды ея бревнахъ (рис. 2) были наложены цѣлые ряды тяжелыхъ крупныхъ камней.

Стеклянная же стѣнка являлась не только прекраснымъ мѣстомъ для наблюденій, но, блестя снаружи, какъ зеркало, привлекала къ себѣ своимъ блескомъ обитателей водъ, которые, не видя находящихся въ темной комнатѣ зрителей, воображали, что они совершенно одни и потому, подплывая безстрашно къ стеклу, давали возможность прекрасно дѣлать надъ собой всевозможныя наблюденія и безпрепятственно себя фотографировать.

Насколько это удалось, лучше всего можно видѣть изъ сдѣланныхъ проф. Уардомъ фотографическихъ снимковъ.

На одномъ изъ нихъ вы видите, напр., какъ цѣлая стайка рыбъ, привлеченная блескомъ окна, приблизилась совсѣмъ къ нему, почти уткнувшись въ него своими носами, видимо интересуясь узнать, что бы это свѣтящееся пятно могло собою обозначать, а рядомъ такъ близко подплывшую къ нему лосось, что ее можно наблюдать, какъ въ какомъ нашемъ акваріумѣ, съ той только разницей, что здѣсь, не видя наблюдателя, она совершенно спокойна, и потому можно разсматривать во всѣхъ деталяхъ и разнообразную ея окраску и выраженіе ея настроенія.

Но это, такъ сказать, лишь общія наблюденія, а вотъ взгляните, напр., на жизнь и повадки щуки (рис. 3) въ пруду. Рыба эта, какъ извѣстно, отличается нѣкоторой долей сообразительности, хитрости, если хотите, даже смышлености.

Какъ кошка, завидѣвъ птичку, крадется потихоньку къ ней и по временамъ бьетъ хвостомъ отъ нетерпѣнія, такъ поступаетъ и щука, готовясь къ нападенію на мелкихъ, служащихъ ей въ пищу, рыбокъ.

Переживаемыя ею при этомъ волненія выражаются не только движеніемъ тѣла и плавниковъ, но и въ окраскѣ, которая то и дѣло мѣняется, становясь то темнѣе, то блѣднѣе.

Вотъ взгляните на фотографію (рис. 3. вверху) сторожащей добычу щуки. Не та же ли это наша кошка, готовящаяся броситься на мышь или птицу? Взгляните сначала, какъ зорко и внимательно слѣдятъ ея быстрые глаза за всѣмъ происходящимъ вокругъ, когда она спокойно лежитъ въ растительной гущѣ. Но вотъ мелькнула вдали желанная рыбка (рис. посреди)—щука вся вытянулась, насторожилась. Рыбка ближе (рис. внизу)—щука еще взволнованнѣе.

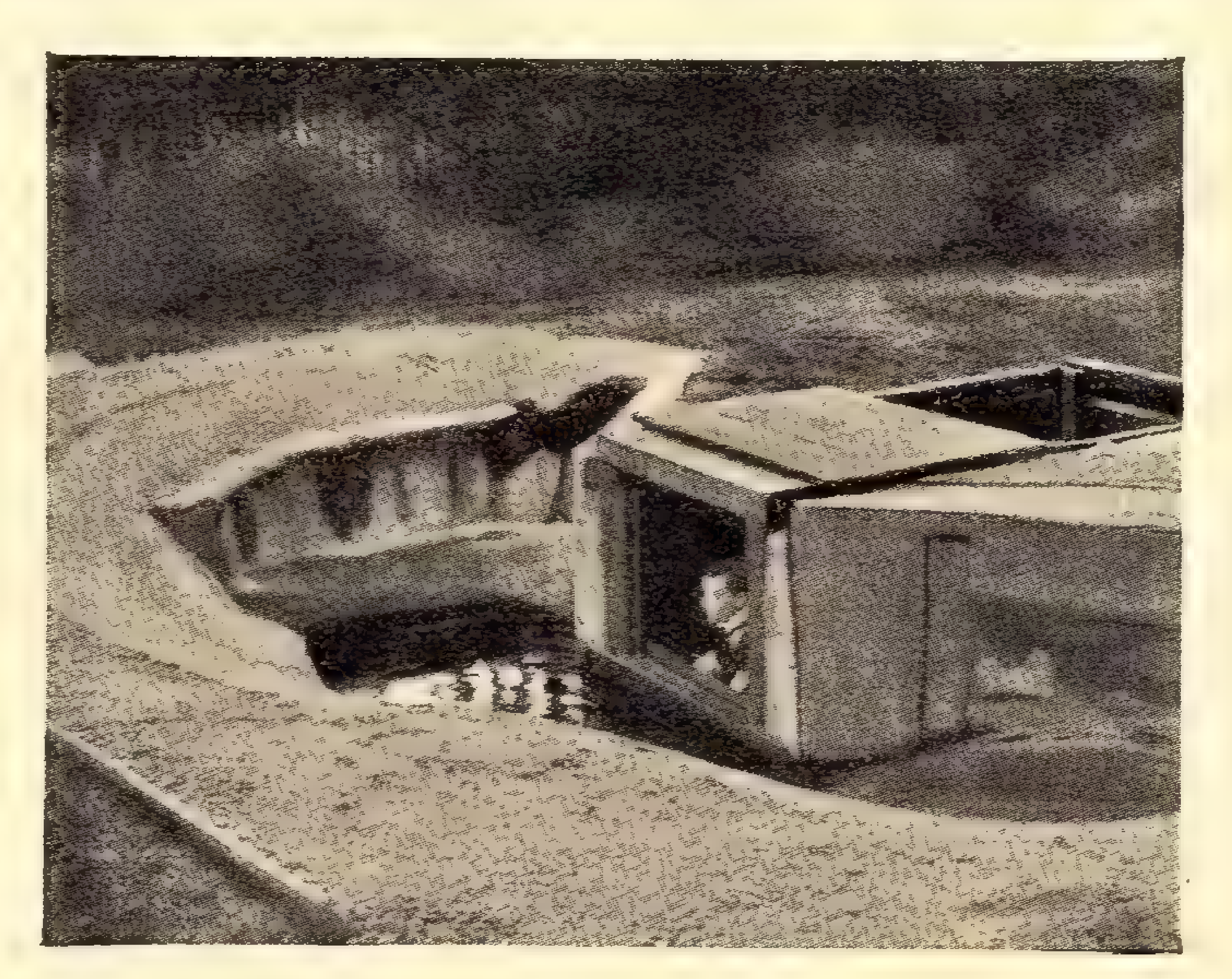

Рис. 1. Наблюдательная камера, когда вода спущена.

Рис. 2. Наблюдательная камера, закрытая водой.

Теперь она вся — вниманіе и ея колеблющіеся то туда, то сюда спинные, брюшные, а особенно хвостовые плавники показываютъ, что она готова ринуться на свою жертву, что она только и ждетъ удобнаго для этого момента...

Но вотъ, приближаясь къ намѣченной добычѣ, щука вдругъ замѣчаетъ, что это не та, какой ей хотѣлось бы, что она или слишкомъ ничтожна, не вкусна и т. п.— тогда плавники опускаются, желаніе напасть пропадаетъ и во всей фигурѣ ея разливается какое-то какъ бы разочарованіе.

Такъ же интересно выражается у рыбъ и чувство тревоги, страха въ ожиданіи нападенія грознаго врага. Чувство это отражается главнымъ образомъ на окраскѣ ихъ тѣла.

Вотъ три изображенія (рис. 4) находящагося въ такомъ состояніи окуня.

На первой фотографіи (вверху) окунь лежитъ спокойный— всѣ плавники его опущены, исключая хвостоваго и грудныхъ, на которыхъ рыба опирается. Не видя наблюдающаго за нимъ человѣка, онъ лежитъ совсѣмъ беззаботно.

Въ это время наблюдатель стучитъ въ стекло помѣщенія, изъ котораго фотографируетъ.

Окунь встрепенулся (рис. по серединѣ) — окраска поперечныхъ полосъ его тѣла потемнѣла; это означаетъ, что онъ взволнованъ, а спинные плавники приподнялись въ въ знакъ того, что рыба услышала что-то подозрительное и насторожилась. Но хвостовый остается еще на мѣстѣ, почти не измѣнивъ своего прежняго положенія.

Тогда стучатъ вторично — рыба пугается (рис. внизу), полосы блѣднѣютъ—знакъ усиленнаго волненія и страха,— а хвостовый плавникъ выпрямляется и все тѣло рыбы принимаетъ положеніе готовности сейчасъ же броситься впередъ—уплыть.

Волненіе передается далѣе и самому глазу рыбы, который выражаетъ въ первыхъ двухъ случаяхъ лишь любопытство, желаніе узнать, что случилось, а въ послѣднемъ уже устремленъ впередъ, чтобы скорѣе изслѣдовать грозящую опасность.

Окраска плавниковъ также поблѣднѣла, сдѣлалась блѣдно-желтоватой, почти безцвѣтной—тоже признакъ страха.

Но вотъ причина шума замѣчена — страхъ дошелъ до крайнихъ границъ, и вмѣсто того, чтобы броситься впередъ, какъ рыба готовилась, ею овладѣваетъ вдругъ безотчетный ужасъ: лучи спинныхъ плавниковъ опускаются до спины, а окраска тѣла становится совсѣмъ безцвѣтной, блѣдной...

Такъ выражается страхъ у окуня и большинства другихъ мелкихъ рыбъ, но у нѣкоторыхъ онъ выражается иначе. Такъ, подкаменщикъ (Cottus gobio) отъ страха раздуваетъ жабры, морская собачка (Blennius) загибаетъ хвостъ къ головѣ; карпія расширяетъ концы лучей хвостоваго плавника. Словомъ, по всей вѣроятности, каждая рыба имѣетъ свой, свойственный ей, способъ выраженія страха.

Но если, съ одной стороны, интересно видѣть, какъ выражаются нѣкоторыя чувства и вниманіе у рыбъ, то съ другой стороны, не менѣе интересно наблюдать здѣсь, какъ укрываются хищныя рыбы, какъ становятся невидимы для своихъ жертвъ, которыя должны служить имъ пищей.

Вотъ фотографія, показывающая, какъ щука, подъ вліяніемъ окружающей ее мути, дѣлается еле видимой.

Тутъ тѣло ея почти сливается съ фономъ и лишь едва-едва выдѣляется изъ общей мути, такъ что проплывающая мимо нея на близкомъ разстояніи жертва легко можетъ ее проглядѣть.

А вотъ другая фотографія щуки, преслѣдующей рыбу. Опять-таки всего тѣла хищницы не видно, а только можно различить ея зорко слѣдящій глазъ.

Остальная часть тѣла щуки сливается съ фономъ илистаго дна, такъ какъ оно почти одинаковой съ нимъ окраски, которую эта зубастая акула прѣсныхъ водъ мѣняетъ до нѣкоторой степени, приспасабливая ее къ общему тону того мѣста дна, на которомъ она залегла въ ожиданіи добычи.

Интересны также наблюденія относительно памяти рыбъ. Если бы кто-нибудь спросилъ: помнитъ ли рыба то, что съ ней случается, то можно отвѣтить—да, она помнитъ то, что повторяется не разъ и производитъ сильное впечатлѣніе на ея мозгъ, что вызываетъ въ немъ нѣкоторое мышленіе.

Сфотографированная щука, пойманная на удочку, была помѣщена въ корзину съ мокрой травой, гдѣ почти уснула, была потомъ оживлена подъ краномъ, напоена слабымъ растворомъ водки съ водой и затѣмъ отпущена обратно въ прудъ. На слѣдующій же день въ полуденное время она появилась снова, какъ ни въ чемъ не бывало, на томъ же мѣстѣ, гдѣ ее впервые сфотографировали,—слѣдовательно, она забыла все происшедшее съ ней.

Или, если, напр. лососи, сорвавшейся только что съ крючка, насаженнаго мухой, бросить сейчасъ такой же крючокъ съ мухой, то она схватываетъ ее, нисколько не помня того, что только что случилось. Словомъ, такого рода маленькія непріятности не производятъ на рыбъ большого впечатлѣнія.

Но если, наоборотъ, ту же, особенно старую, лосось ловить нѣсколько разъ на крючокъ и затѣмъ отпускать, то она становится осторожной и не идетъ на ту приманку, на которую ее поймали,—откуда ясно, что впечатлѣніе отъ такихъ повторныхъ непріятностей у ней сохраняется.

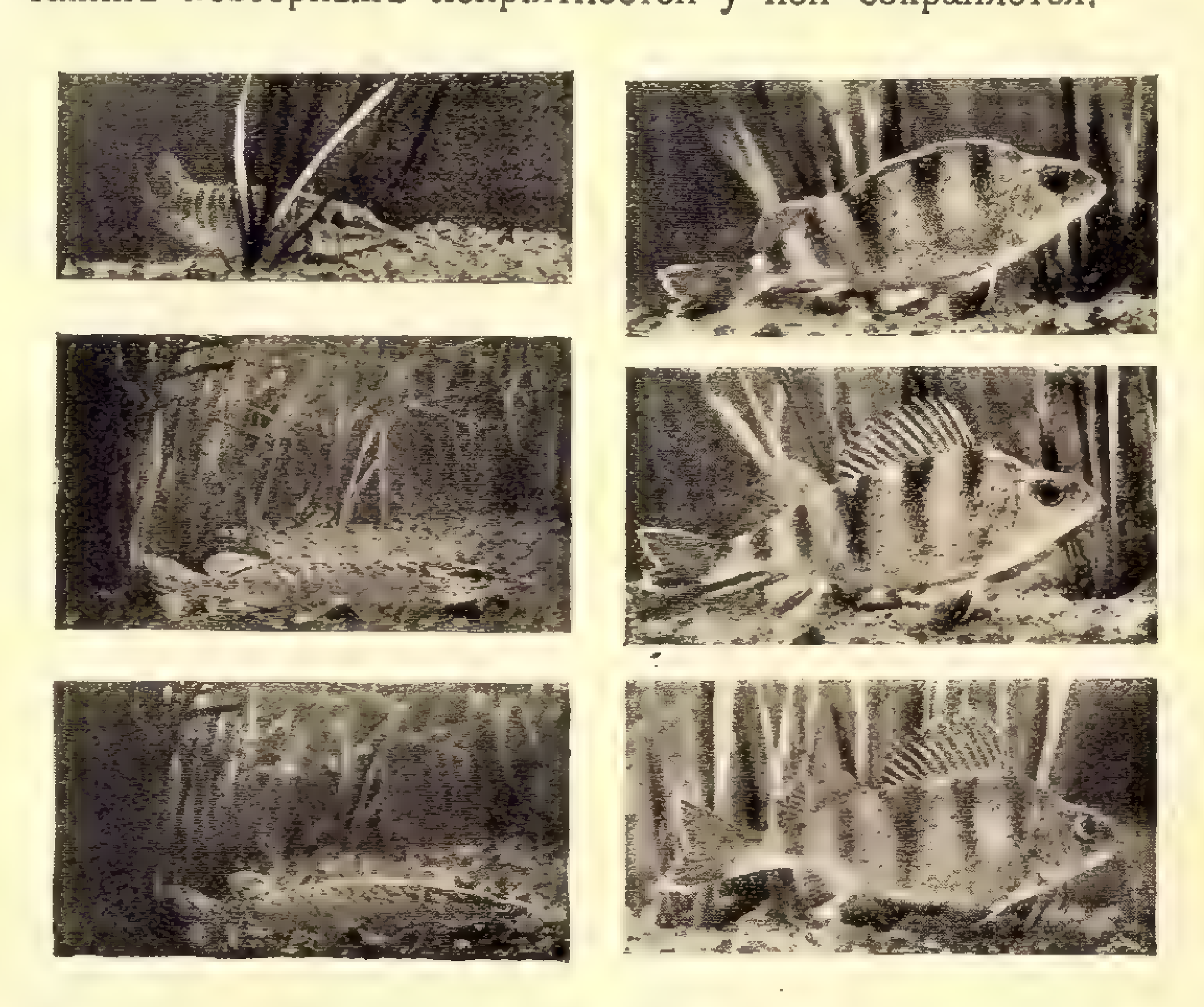

Рис. 3. Готовящаяся къ нападенію щука. Рис. 4. Пугающійся окунь.

Наконецъ интересны еще наблюденія надъ любопытствомъ рыбъ, которое у нихъ развито чрезвычайно. Происходитъ оно естественно оттого, что рыба, ища пищу, должна останавливаться и разсматривать хорошенько то, что ей встрѣчается.

Положивъ передъ окномъ своей камеры туфовую скалу, покрытую массой отверстій, Уардъ наблюдалъ долгое время, какъ рыбы, плавая вокругъ нея, разсматривали каждую малѣйшую въ ней щелку и искали, нѣтъ ли въ ней чѣмъ поживиться. Любопытствомъ же можно объяснить и почему часто рыбы схватываютъ несъѣдобныя, но ярко окрашенныя странныя приманки въ родѣ мушекъ изъ перьевъ, волосковъ и т. п.

Здѣсь же можно отлично наблюдать и заботы чадолюбивыхъ рыбъ объ ихъ икрѣ и молоди, что мы, конечно, наблюдаемъ и въ нашихъ аквaріумахъ, но несомнѣнно съ нѣкоторыми, ускользающими отъ насъ, подробностями, такъ какъ въ аквaріумѣ мы создаемъ искусственную обстановку, а здѣсь онѣ находятся въ естественной, родной, и должны найти сами себѣ все, что имъ нужно.

Словомъ, наблюденія, которыя можно производить изъ такого подводнаго аквaріума, безчисленны и крайне заманчивы.

Мы проникаемъ здѣсь въ самые тайники природы, видимъ жизнь водныхъ обитателей такъ, какъ не можемъ во многихъ случаяхъ даже видѣть жизнь и наземныхъ тварей.

Особенно же интересно было бы, если бы подобные аквaріумы были устроены на днѣ моря для наблюденій надъ жизнью морскихъ животныхъ, которыя и сами по себѣ уже значительно разнообразнѣе прѣсноводныхъ, да и жизнь ихъ проявляется въ гораздо болѣе оригинальныхъ формахъ.

Пока, однако, такого преслѣдующаго научныя цѣли учрежденія еще не существуетъ, но идеей этой уже воспользовался одинъ содержатель гостиницы въ Гонолулу, на Гавайскихъ островахъ, для развлеченія своихъ многочисленныхъ посѣтителей и путешественниковъ. Остроумный хозяинъ этой гостиницы придумалъ зрѣлище, до какого не додумался еще ни одинъ изъ другихъ увеселителей публики.

Рис. 5. Подводный аквaріумъ одной частной гостиницы въ Гонолулу.

У подножія скалы, на которой стоитъ его гостиница, онъ построилъ павильонъ (рис. 5), нижняя часть котораго далеко уходитъ подъ море, и въ этой части устроилъ родъ двухъ такихъ же камеръ съ окнами, какъ и проф. Уардъ.

Спустившись по лѣстницѣ изъ верхняго этажа, зрители оказываются подъ водой, гдѣ ихъ удивленному взору представляется вдругъ поразительное зрѣлище дна моря.

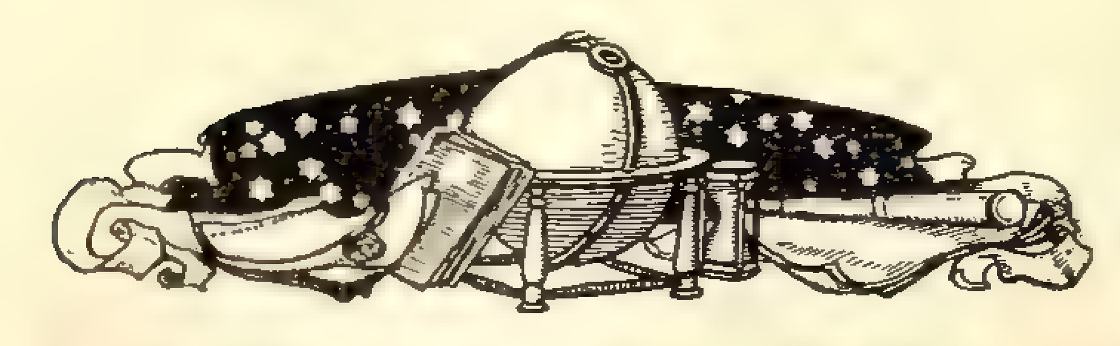
Далеко освѣщаемое днемъ проходящими сквозь воду солнечными лучами, а ночью при помощи искусственнаго источника свѣта, картина является необычайной. Для того же, чтобы еще увеличить интересъ и разнообразіе сценъ, на дно передъ стекломъ бросается разнаго рода пища, которая привлекаетъ въ громадномъ количествѣ всевозможныхъ животныхъ, начиная съ актиній, краббовъ, морскихъ ежей и т. п. мелкихъ обитателей и кончая спрутами, скатами, акулами и разными другими крупными рыбами.

Слава объ этомъ удивительномъ подводномъ павильонѣ разнеслась уже по всей Америкѣ, и всѣ любители новизны и сильныхъ ощущеній спѣшатъ поскорѣе насладиться никогда невиданнымъ и неслыханнымъ еще зрѣлищемъ.

И дѣйствительно, зрѣлище это должно представлять собой нѣчто феерическое, нѣчто такое, что въ слабой степени мы видѣли до сихъ поръ только въ театральныхъ представленіяхъ.

На прилагаемомъ рисункѣ можно видѣть, какъ любопытная публика, наполнивъ такой павильонъ, любуется подводной картиной, являющейся въ самомъ дѣлѣ осуществленіемъ одной изъ грезъ такъ красиво описанныхъ Жюль Верномъ въ его Наутилусѣ.

По всей вѣроятности, примѣръ этотъ не замедлитъ найти себѣ подражателей, и въ недалекомъ будущемъ не одна изъ приморскихъ европейскихъ гостиницъ обогатится подобной подводной панорамой. Но желательно бы было, чтобы зрѣлище это являлось не только достояніемъ праздной публики, а могло бы быть использовано людьми науки для пополненія еще такъ скудно изученныхъ біологическихъ явленій, изслѣдованія жизни моря и занесенія ихъ при помощи фотографіи въ лѣтописи науки.

АСТРОНОМИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ.

Мартовское звѣздное небо.

Солнце. Въ мартѣ солнце передвигается черезъ созвѣздіе Рыбъ, при чемъ за мѣсяцъ не успѣваетъ пройти всего созвѣздія, такъ что къ 1 апрѣля подходитъ только къ границѣ Рыбъ и Овна.

Въ теченіе марта солнце продолжаетъ подниматься все выше и выше въ сѣверномъ полушаріи, для южнаго же полушарія земли происходитъ обратное явленіе. Въ то время, какъ въ нашемъ полушаріи день удлиняется, въ южномъ онъ укорачивается и наступаетъ зима. Особенно рѣзко сказывается это явленіе на полюсахъ — въ то время какъ на сѣверномъ наступаетъ періодъ шестимѣсячнаго дня, южный погружается въ шестимѣсячную ночь, ослабленную лишь холоднымъ свѣтомъ луны да причудливыми огнями сѣвернаго сіянія. Для полярныхъ путешественниковъ тотъ моментъ, когда солнце переходитъ изъ южнаго полушарія въ сѣверное, является знаменательнымъ—съ этого дня они лишаются свѣта и тепла дневного свѣтила (если они находятся на южномъ полюсѣ) или же могутъ въ теченіе шести мѣсяцевъ любоваться солнцемъ, кружащимся около полюса (если они на сѣверномъ).

День весенняго равноденствія приходится на 8 марта въ 7 ч. утра; въ это время на южномъ полюсѣ земли будетъ выглядывать изъ-за горизонта только половина солнца. Слѣдуетъ замѣтить, что заходъ солнца на полюсѣ обусловленъ не вращеніемъ земли, а собственнымъ движеніемъ солнца, которое достаточно медленно, такъ что солнце заходитъ въ теченіе почти 33 часовъ. Солнце коснется горизонта своимъ нижнимъ краемъ уже 7 числа около 3 ч. и только въ 11 ч. вечера (по нашему времени) 8 числа исчезнетъ его верхній край, и наступитъ полярная ночь. При этомъ заходъ солнца совершается не въ одной какой-либо точкѣ горизонта, но въ си-

лу суточнаго вращенія земли, солнце все время обходитъ небо параллельно линіи горизонта и заходитъ на 130 градусовъ западнѣе той точки, гдѣ начало заходъ, сдѣлавъ, кромѣ того, полный оборотъ по небосводу. Картина такого захода, осложненная такъ называемыми ложными солнцами и радугами, въ морозномъ воздухѣ полюса должна быть чрезвычайно красива.

Луна за мартъ переходитъ, обходя все небо, изъ созвѣздія Тельца въ созвѣздіе Близнецовъ. Новолуніе приходится на 24 число, такъ что время съ 20 по 28 является самымъ удобнымъ для наблюденія звѣздъ и слабыхъ объектовъ въ родѣ туманностей, обычно теряющихся на освѣщенномъ луною фонѣ неба.

Венера. Изъ планетъ Венера остается въ мартѣ наиболѣе выдающейся, хотя видна уже не такъ долго послѣ наступленія темноты. Происходитъ это потому, что планета, постепенно передвигаясь слѣва направо, все ближе подходитъ къ нижнему соединенію съ солнцемъ, т.-е. къ тому моменту когда она видна по тому же направленію, что и солнце, и находится между землей и солнцемъ. Вслѣдствіе этого видимые размѣры ея увеличиваютъ, а фаза уменьшается, такъ что къ концу мѣсяца Венера видна уже въ видѣ узкаго серпа. Въ апрѣлѣ Венеру уже трудно наблюдать, такъ что мартомъ, можно считать, кончается вечерній періодъ наблюденія ея. Слѣдуетъ воспользоваться благопріятными условіями, тѣмъ болѣе, что видимые размѣры планеты таковы, что труба съ увеличеніемъ въ 55 разъ покажетъ ее такихъ же размѣровъ, какъ луна для невооруженнаго глаза.

Сатурнъ передвигается прямымъ движеніемъ по созвѣздію Тельца и появляется на небѣ вмѣстѣ съ наступленіемъ сумерекъ. Видимый поперечникъ диска нѣсколько меньше, чѣмъ въ февралѣ, но разница настолько мала, что при наблюденіи въ трубу остается незамѣтной. Какъ и въ февралѣ, кольцо заходитъ за края планеты.

Юпитеръ. Изъ другихъ планетъ становится доступнымъ для наблюденія Юпитеръ, который восходитъ около 3 часовъ утра и виденъ до разсвѣта. Въ мартѣ Юпитеръ передвигается прямымъ движеніемъ черезъ созвѣздіе Стрѣльца. Послѣдніе года Юпитеръ былъ неудобенъ для наблюденій въ сѣверныхъ широтахъ, такъ какъ его путь лежалъ въ южномъ полушаріи небесной сферы. Въ 1913 г. условія начинаютъ улучшаться, планета приближается къ экватору и будетъ подниматься выше надъ горизонтомъ, чѣмъ въ предыдущій годъ.

Въ мартѣ возможно начать наблюденія за этой самой крупной планетой въ нашей системѣ даже съ небольшой зрительной трубой, такъ какъ 50-кратное увеличеніе покажетъ его такой же величины, какъ луна для невооруженнаго глаза. При этомъ, конечно, легко разглядѣть и спутниковъ планеты и послѣдить за передвиженіями ихъ. Найти Юпитера среди неподвижныхъ звѣздъ очень легко, онъ сразу бросается въ глаза своимъ спокойнымъ желтоватымъ свѣтомъ.

Марсъ. Что касается Марса, то онъ тоже виденъ по утрамъ передъ восходомъ солнца, но очень недолго и притомъ только въ южной Россіи. Кромѣ того, видимые размѣры его настолько малы, что онъ не представляетъ никакого интереса.

Затменія. Въ мартѣ должны быть два затменія, одно полное лунное, другое солнечное частное, но какъ то, такъ и другое видимы лишь въ восточной Сибири въ мало населенныхъ мѣстахъ.

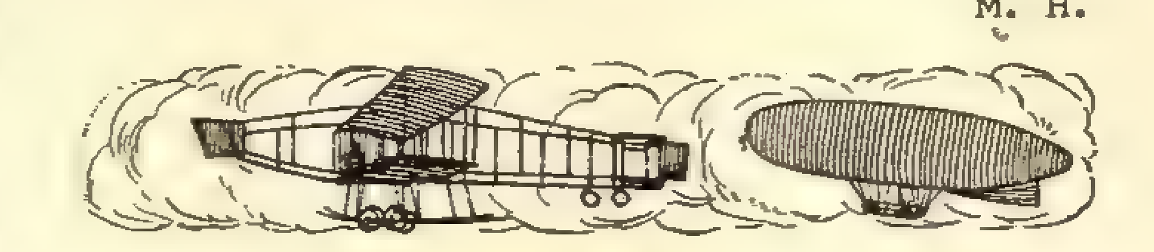

Заходъ солнца на ю. полюсѣ и наступленіе шестимѣсячной полярной ночи.

Въ началѣ этого года астрономія понесла крупную потерю въ лицѣ скончавшагося Георга Дарвина (см. его портретъ въ № 1 „В. Св." за тек. годъ), извѣстнаго, главнымъ образомъ, работами по небесной механикѣ. Г. Дарвинъ принадлежитъ къ семьѣ, давшей уже нѣсколько поколѣній ученыхъ, къ семьѣ, въ которой родился великій Чарльзъ Дарвинъ (отецъ Георга). Г. Дарвинъ какъ бы продолжилъ его дѣло, внеся понятіе эволюціи и въ ученіе о небесныхъ тѣлахъ. Онъ обратилъ вниманіе на приливное дѣйствіе одной планеты на другую въ періодъ, предшествовавшій отвердѣнію планетъ. Волна прилива, создающаяся вслѣдствіе видимаго дѣйствія планетъ, представляетъ своеобразный тормазъ, замедляющій вращеніе планетъ. Приложивъ свою теорію къ изслѣдованію системы Земля-Луна, онъ пришелъ къ выводу, что нѣкогда луна и земля составляли одно цѣлое; оторвавшись отъ земли, луна постепенно замедляла свое вращеніе, и этимъ объясняется, что луна обращена къ землѣ все время одной стороной, но въ будущемъ и земля замедлитъ свое вращеніе настолько, что тоже только съ одной стороны земли можно будетъ видѣть луну, обѣ планеты какъ бы соединятся невидимымъ стержнемъ. Время такихъ измѣненій, конечно, громадно и тѣмъ болѣе можно удивляться генію Г. Дарвина, охватившему умственнымъ взоромъ всю исторію развитія этой системы.

Покойный былъ профессоромъ Кэмбриджскаго университета, почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и университетовъ и въ 1912 г. получилъ Нобелевскую премію.

м. н.

Современное воздухоплаваніе.

Взятіе въ плѣнъ русскаго авіатора Н. Д. Костина.

Телеграфъ сообщилъ намъ о взятіи въ плѣнъ турками русскаго поручика Николаева во время предпринятаго послѣднимъ развѣдочнаго полета на аэропланѣ надъ Адріанополемъ.

Какъ оказывается, подъ фамиліей Николаева скрывался извѣстный русскій авіаторъ Н. Д. Костинъ, прибывшій въ концѣ прошлаго года на Балканскій полуостровъ съ цѣлью участія въ военныхъ дѣйствіяхъ болгарской арміи.

Во время этого рокового полета двигатель у Костина внезапно остановился и Костинъ вынужденъ былъ съ значительной высоты предпринять планирующій спускъ.

Несмотря на всѣ усилія, Костину не удалось перелетѣть линію расположенія непріятельскихъ войскъ. Ему пришлось спуститься на непріятельскую территорію, на совершенно незнакомую и притомъ крайне неровную и изрытую мѣстность. Къ счастью, самообладаніе не оставило Костина въ послѣднюю минуту, благодаря чему само приземленіе произошло довольно удачно. Сейчасъ же Костинъ вмѣстѣ съ своимъ аэропланомъ „Фарманомъ" былъ окруженъ турками и отправленъ въ Адріанопольскую крѣпость, гдѣ и оставленъ подъ наблюденіемъ высшихъ чиновъ гарнизона въ качествѣ военноплѣннаго.

Н. Д. Костинъ является однимъ изъ первыхъ русскихъ авіаторовъ. Увлеченный новымъ видомъ спорта, воздухоплаваніемъ, онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы почти безъ всякихъ средствъ отправиться еще въ 1910 году во Францію и обучаться тамъ авіаціи.

Къ счастью, въ это время во Франціи находились его друзья, М. Ефимовъ, Каттанео, а также нѣсколько командированныхъ изъ Россіи офицеровъ-летчиковъ, которые и помогли Костину осуществить свою завѣтную мечту.

Обратилъ на себя вниманіе Костинъ во время перелета Петербургъ-Москва въ 1911 г. Спустя нѣкоторое время Н. Д. Костинъ былъ приглашенъ всероссійскимъ аэроклубомъ на отвѣтственную должность инструктора-авіатора авіаціонной школы этого общества.

Въ исторіи авіаціи это второй случай плѣненія авіатора. Первый случай произошелъ въ Триполи въ прошломъ году во время Итало-Турецкой войны, когда итальянскій капитанъ Майцо долженъ былъ также изъ-за порчи двигателя во время воздушной развѣдки спуститься въ арабо-турецкія войска. я. г.

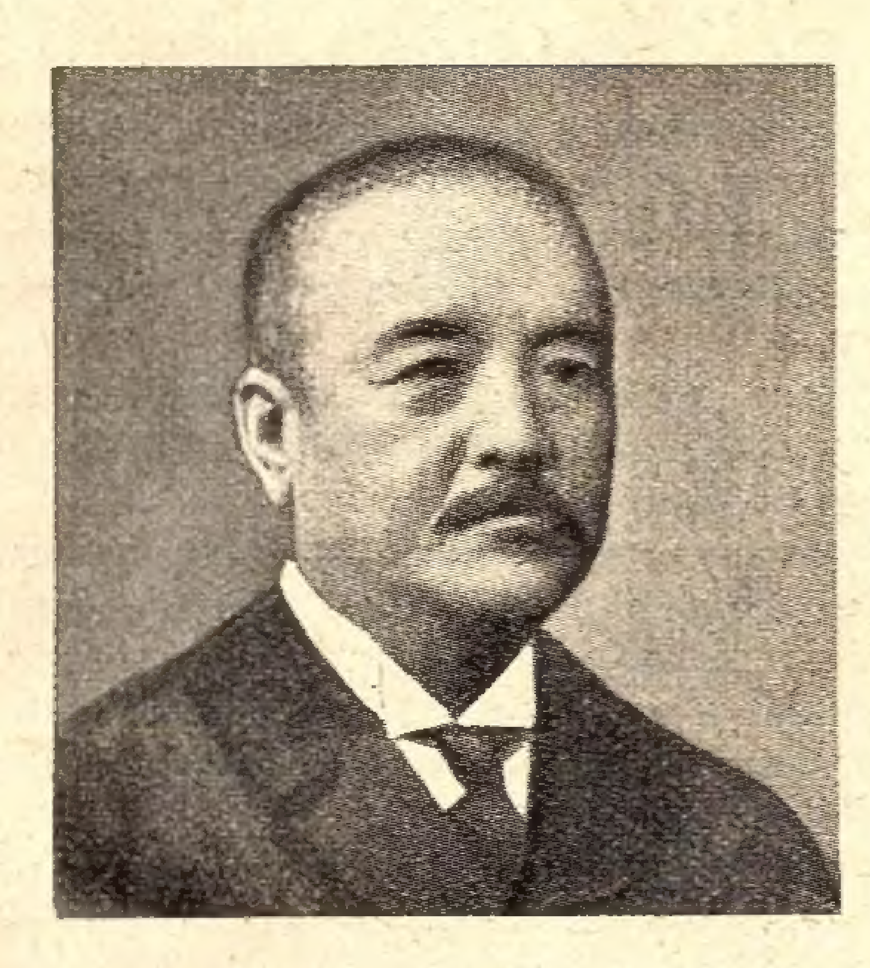
Рекорды высоты на аэропланѣ.

Въ настоящее время въ связи съ улучшеніемъ аэроплановъ и ихъ двигателей авіаторамъ удается подыматься все на большую высоту и брать съ собою все больше пассажировъ.

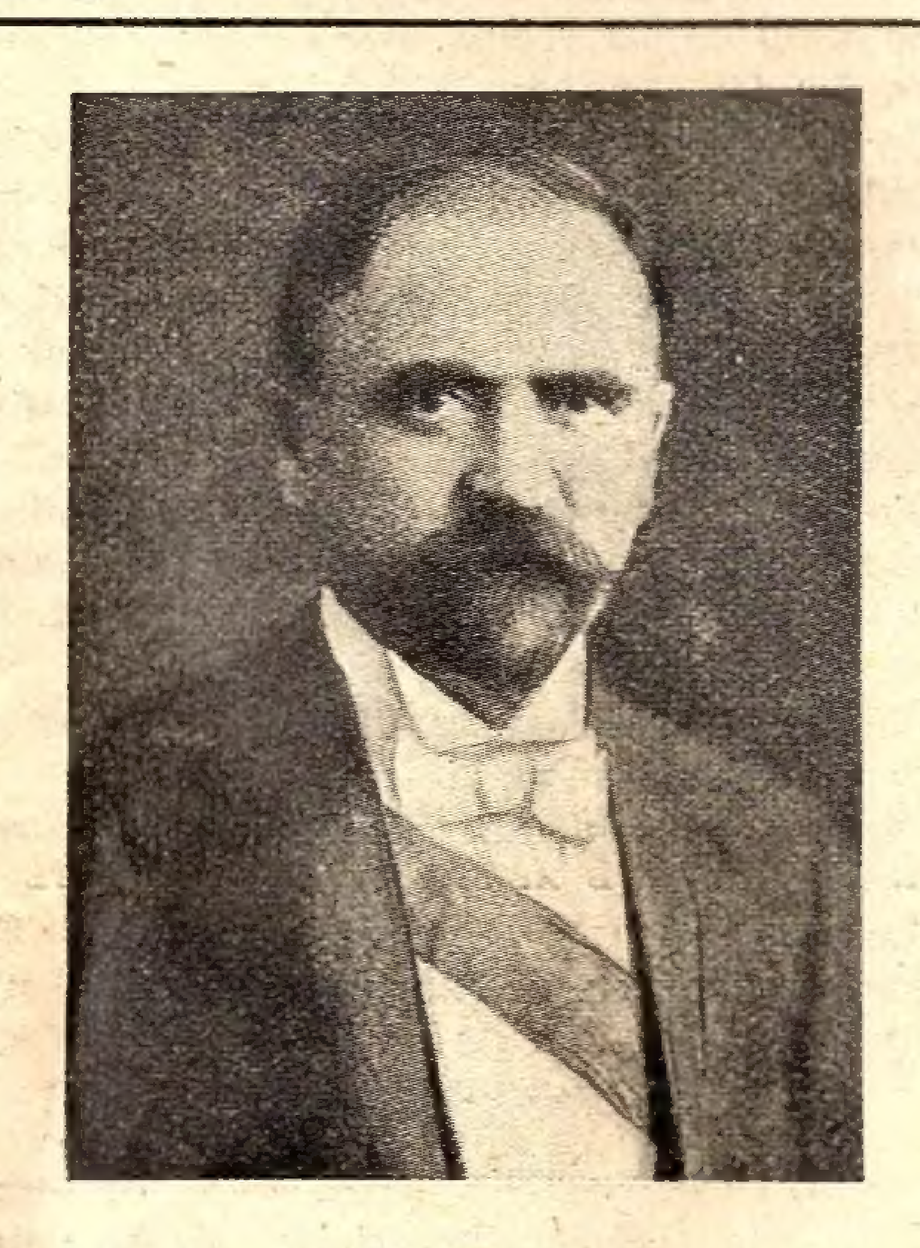
До послѣднихъ дней авіаторами достигнуты слѣдующія высоты:

Высота, которой достигъ самъ летчикъ: Гарро въ Тунисѣ, 5610 метровъ. Высота, которой достигъ летчикъ съ 1 пассажиромъ: Блашкэ въ Вѣнѣ, 4360 метровъ. Высота, которой достигъ летчикъ съ 2 пассажирами: Блашкэ въ Вѣнѣ, 3580 метровъ. Высота, которой достигъ летчикъ съ 3 пассажирами: Шевильяръ въ Этампѣ, 1350 метровъ. Высота, которой достигъ летчикъ съ 4 пассажирами: Гугенгаймъ въ Этампѣ, 1120 метровъ.

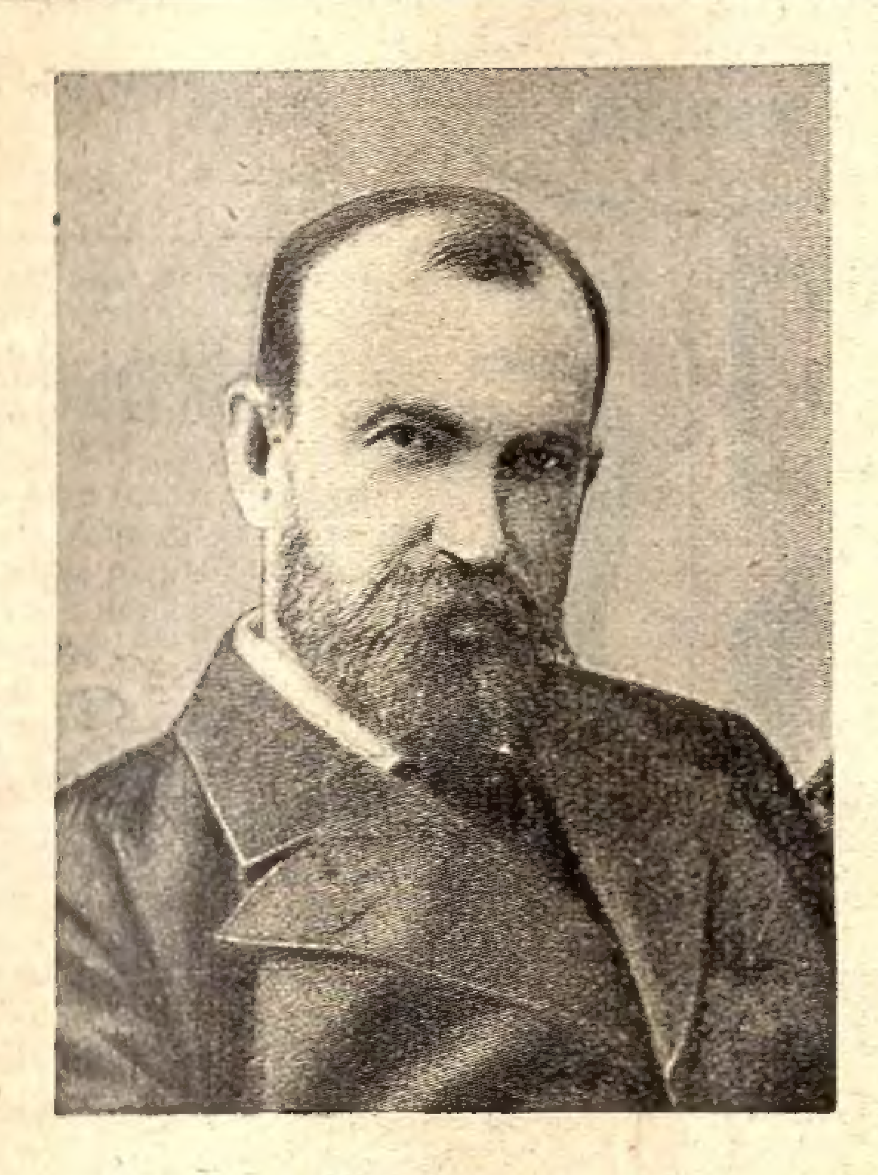
я. г.

Князь Катцура — японскій премьеръ, который долженъ былъ сломить парламентскую оппозицію, не желавшую назначать суммы на сформированіе двухъ дивизій для Кореи и постройку двухъ сверхъ-дредноутовъ. Катцура потерпѣлъ неудачу и подалъ въ отставку.

Франциско Мадеро († 10 февраля), бывшій президентъ Мексиканской республики два года тому назадъ, свергнутый и въ ночь на 10 февраля убитый, по одной версіи, напавшей на конвой толпой, а по другой — начальникомъ конвоя. Послѣднее болѣе вѣроятно.

А. И. Эртель (къ 5-лѣтію со дня смерти), талантливый писатель-народникъ, начавшій свою литературную дѣятельность въ 70 годахъ. Въ своихъ произведеніяхъ («Господа Гарденины», «Смѣна» и др.) онъ затрогиваетъ всѣ вопросы, волновавшіе современниковъ.

Лунь-Ю, послѣдняя китайская императрица, умершая 9 февраля с. г., была женой императора Гуанъ-Сюйя, женившагося на ней по волѣ своей матери, старой императрицы Цы-Си, племянницей которой приходилась Лунь-Ю. Властная Цы-Си была фактической правительницей государства при сынѣ, и Лунь-Ю долгое время оставалась въ тѣни; но когда въ 1908 г. умерли и императоръ и его мать, Лунь-ю выдвинулась на первое мѣсто. Въ своемъ завѣщаніи Цы-Си обязывала регента испрашивать въ важныхъ случаяхъ согласія пріемной матери малолѣтняго императора Пу-И (у Лунь-Ю не было дѣтей, и она усыновила племянника). Лунь-Ю хотѣла итти по стопамъ тетки, но у нея не было ума и осторожности послѣдней. Ея неизмѣннымъ совѣтникомъ сталъ принцъ Цинъ, и не разъ при помощи его она брала верхъ надъ либеральнымъ регентомъ. Это способствовало распространенію революціоннаго движенія въ Китаѣ, и въ 1911 г. она отреклась отъ престола за молодого императора, и «удалилась на покой». Но недолго продолжался покой. Лунь-Ю умерла скоропостижно; ходятъ слухи, что она отравилась.

М. Н. Слѣпцова, извѣстная писательница для народа и народной школы, праздновала на-дняхъ появленіе двухсотой книжки своего изданія «Книжка за книжкой» и 15-тилѣтіе своей литературной и издательской дѣятельности. Праздникъ собралъ многочисленныхъ друзей М. Н. Было произнесено много рѣчей по адресу юбилярши. Прочитано много привѣтственныхъ телеграммъ и пожеланій дальнѣйшаго успѣха полезной дѣятельности М. Н. Слѣпцовой.

Патріархъ Германъ V, избранный на престолъ вселенскаго патріарха, прибылъ въ Константинополь, гдѣ 5 февраля совершонъ церемоніалъ вступленія его на патріаршій престолъ.

Генералъ Феликсъ Діазъ, поднявшій военное возстаніе, результатомъ котораго было смѣщеніе Мадеро. Въ настоящее время никто не сомнѣвается, что смерть Мадеро — дѣло рукъ Діаза, и что онъ будетъ президентомъ Мексиканскихъ Соединенныхъ штатовъ.

Делькассе, новый французскій посолъ въ Россіи. Назначеніе его привѣтствуется, какъ залогъ упроченія франко-русскаго союза. Его мечта — тройственный союзъ: Россія, Франція, Англія, который ослабитъ Германію.

Изъ великой книги природы.

Какъ лѣчатся животныя.

Всякій, думаемъ, видѣлъ, какъ кошки и собаки ѣдятъ травинки, какъ куры глотаютъ камешки, какъ рыбы заглатываютъ песокъ со дна аквариума. Все это разные способы лѣченія животныхъ. Средства, къ которымъ они обыкновенно прибѣгаютъ, бываютъ очень просты.

Такъ, напримѣръ, при лихорадочномъ состояніи животныя не принимаютъ пищи, ложатся въ темное прохладное мѣсто, пьютъ много воды, иногда даже ложатся въ воду, чувствуя, что все это можетъ принести имъ выздоровленіе.

Шимпанзе, напр., для того, чтобы остановить кровотеченіе изъ раны, покрываетъ ее извѣстными листьями, содержащими дубильныя вещества, или же крѣпко зажимаетъ кровоточащее мѣсто рукою. Собаки лижутъ пораненныя мѣста или моютъ ихъ водою. Одинъ ученый наблюдалъ собаку, укушенную въ лѣвый глазъ гадюкой; она тотчасъ же побѣжала къ рѣкѣ, погрузила голову въ воду и такимъ образомъ излѣчила себя.

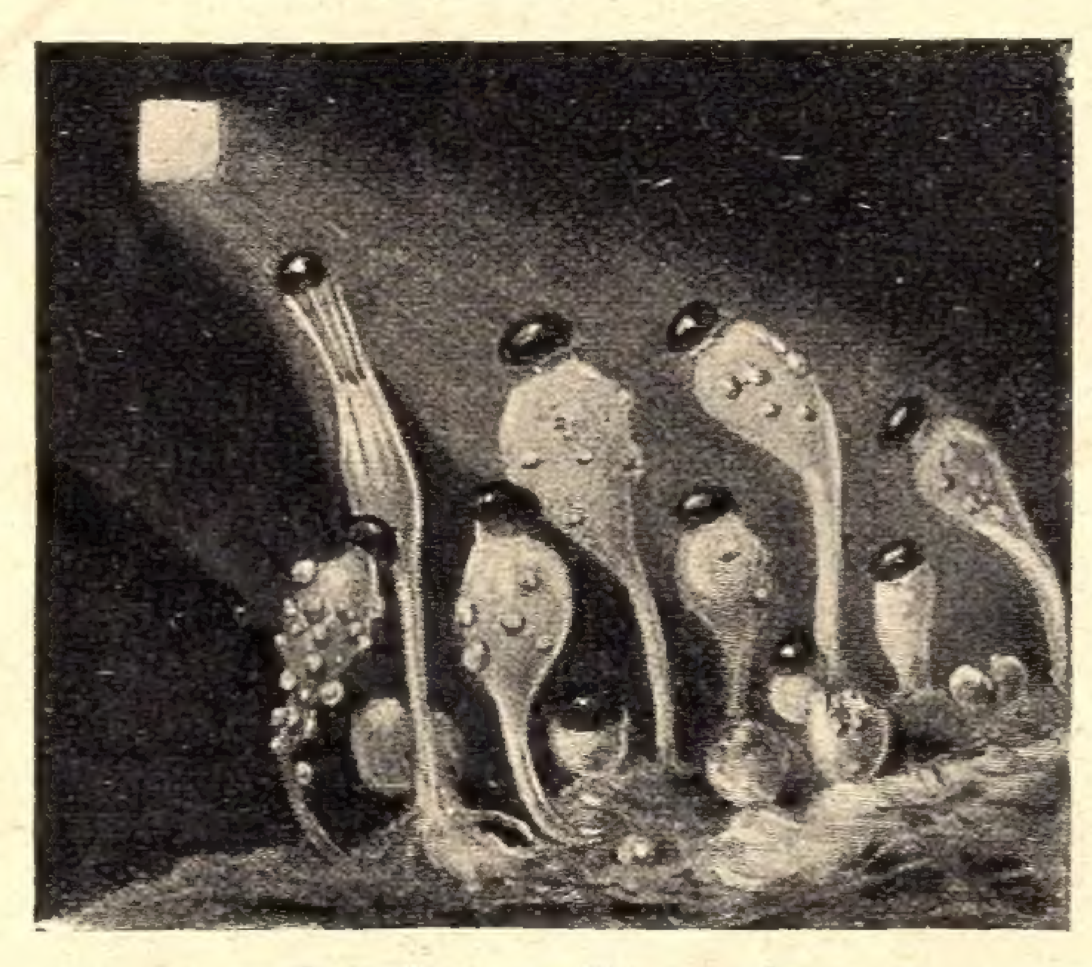
Интересное также наблюденіе удалось произвести надъ таксой, у которой болѣлъ лѣвый глазъ; она стала избѣгать свѣта и тепла, хотя прежде охотно лежала у горячей печки. Улегшись въ темномъ прохладномъ углу, она терпѣливо, въ продолженіе двухъ сутокъ, лизала нижнюю сторону правой лапы и прикладывала ее къ больному глазу. Когда лапа высыхала, она снова лизала ее и прикладывала, пока глазъ не поправился.

Кошки также лѣчатъ всякаго рода пораненія смачиваніемъ больныхъ мѣстъ.

Очень интересныя наблюденія имѣются надъ залѣчиваніемъ птицами своихъ ранъ.

Швейцарскій естествоиспытатель Фотіо во время своихъ охотъ удостовѣрился, что нѣкоторыя породы голенастыхъ птицъ, особенно бекасы, при помощи своего тонкаго, мягкаго клюва и своихъ перьевъ, накладываютъ на раны пластыри и дѣлаютъ себѣ настоящіе лубки. Ему случилось однажды убить бекаса, на груди котораго еще виднѣлись слѣды перевязки, состоящей изъ самыхъ мелкихъ перышекъ, вырванныхъ птицей изъ другихъ частей своего тѣла, скомканныхъ и наложенныхъ на ранку, на которой этотъ пластырь удерживался запекшеюся кровью.

Наконецъ муравьи, поражающіе необыкновенно сложною и цѣлесообразною организаціей своей общинной жизни, интересны въ отношеніи и медицинской помощи больнымъ.

Стрѣляющій грибъ.

Не разъ приходилось наблюдать, какъ раненые муравьи переносятся здоровыми въ особое отдѣленіе, какъ бы въ пріемный покой. Тамъ рана осматривается и покрывается слизью, выдѣляемою ртами, и тщательно осушается.

Нѣчто подобное же приходится наблюдать и у пчелъ.

Когда, напримѣръ, пчелиная матка, почти утонувшая, была однажды вытащена рабочими пчелами, то онѣ ее качали, лизали, щипали и хлопотали около нея до тѣхъ поръ, пока она не ожила.

Стрѣляющій грибъ.

Каждое растеніе стремится къ свѣту. Мы всѣ это знаемъ и наблюдаемъ прежде всего на нашихъ комнатныхъ растеніяхъ, изъ которыхъ каждое поворачиваетъ свою головку къ свѣту.

Однако особо тонкую чувствительность къ свѣту выказываетъ маленькій грибъ Pilobolus cristallinus.

Культуру этого гриба не трудно развести. Нужно только взять немного лошадинаго навоза, въ которомъ всегда есть зародыши этого гриба, и положить въ горшокъ. Изъ этого питательнаго вещества вскорѣ вырастаетъ Pilobolus cristallinus.

Когда онъ достигаетъ достаточной величины, нѣсколькихъ сантиметровъ, то на его концѣ развивается носитель споръ, маленькая черная головка, которую онъ сбрасываетъ для того, чтобы споры, попадая на землю, могли развиваться дальше.

Самое замѣчательное при этомъ то, что свою черную головку онъ сбрасываетъ всегда по направленію къ свѣту.

Въ этомъ можно легко убѣдиться, помѣстивъ лошадиный навозъ, въ которомъ есть зародыши этого гриба, въ небольшой ящикъ, хотя бы изъ картона.

Грибъ развивается тамъ въ темнотѣ. Но, продѣлавъ въ стѣнкахъ ящика дыру, черезъ которую будетъ проникать солнечный свѣтъ, вы вскорѣ замѣтите, что всѣ нити гриба тянутся къ этому отверстію, и когда образуется черная головка, то грибъ выбрасываетъ ее въ отверстіе.

Та безошибочность, съ которой грибъ всегда попадаетъ въ отверстіе, объясняется дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, придающихъ его тѣлу нужное для этого направленіе.

Сила, которая выбрасываетъ споры, образуется подъ давленіемъ жидкостей питательныхъ соковъ, которые грибъ всасываетъ въ себя.

Такимъ образомъ этотъ маленькій грибъ, извѣстный очень немногимъ, является чудомъ природы. В. О.

Редакторъ Вл. А. Поповъ.

При этомъ № разсылается подписчикамъ на I-е изданіе журнала „Вокругъ Свѣта“ (7 руб.) книга V-я и на II-е изданіе (11 руб.) книга IX-я собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина